

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Кот, который
ХОДИЛ СКВОЗЬ СТЕНЫ

Комедия нравов

85

Звезды мировой фантастики (Азбука)

Роберт Хайнлайн

Кот, который ходил сквозь стены

«Азбука-Аттикус»

1985

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Хайнлайн Р. Э.

Кот, который ходил сквозь стены / Р. Э. Хайнлайн — «Азбука-Аттикус», 1985 — (Звезды мировой фантастики (Азбука))

ISBN 978-5-389-16309-6

Название роману дал один из его главных героев – котенок Пиксель, потому что Пиксель действительно проходит сквозь стены. Да, «это невозможно, но он еще маленький и об этом не знает, поэтому у него получается, – объясняет такую его способность героиня романа. – И никогда не известно, где он появится в очередной раз». А главный не четвероногий герой, Колин Кэмпбелл, писатель и полковник в отставке, обосновавшийся после ранения на орбитальной станции «Золотое правило», вечно вляпывается в подозрительные истории. Началось все с того, что незнакомца, подошедшего к его столику в ресторане, немедленно убивают и за Кэмпбеллом и его подругой начинают охоту некие неуловимые силы. И не будь в «мультиверсуме» Хайнлайна Корпуса времени, поддерживающего вселенский порядок, непонятно, чем бы закончились приключения Колина и его подруги. Роман публикуется в новом переводе.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-16309-6

© Хайнлайн Р. Э., 1985
© Азбука-Аттикус, 1985

Содержание

Книга первая	6
1	6
2	14
3	20
4	27
5	34
6	41
7	49
8	57
9	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Роберт Хайнлайн

Кот, который ходил сквозь стены

Комедия нравов

Robert A. Heinlein

The cat who walks through walls

Copyright © 1985 by Robert Heinlein

© К. П. Плешков, перевод, 2019

© С. В. Голд, послесловие, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

*Джерри, Ларри и Гарри, Дину, Дэну и Джиму, Полу, Базу и Сарджу
(тем, на кого можно положиться).*

Р. Э. Х.

*Любовь моя! Когда бы Он вручил
Нам этот мир, который так уныл, —
Его в куски разбили б мы и вновь
Слепили так, чтоб сердцу стал он мил!*

Омар Хайям. Рубаи. XCIX¹

¹ Перевод О. Румера. – Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, комментарии переводчика.

Книга первая

Непредвзято и честно

1

Что бы ты ни делал, ты об этом пожалеешь.
Аллан Маклеод «Гас» Грей² (1905–1975)

– Нам нужно, чтобы вы кое-кого убили.

Незнакомец нервно огляделся по сторонам. Пожалуй, людный ресторан не подходит для таких разговоров – громкий шум дает лишь частичное уединение.

Я покачал головой:

– Но я не наемный убийца. Скорее, убийства – это мое хобби. Вы ужинали?

– Я пришел сюда не затем, чтобы есть. Позвольте мне...

– Да бросьте. Я настаиваю.

На самом деле он меня раздражал – тем, что бесцеремонно вклинился в мой вечер с восхитительной дамой, – и я старался отплатить ему тем же. Плохим манерам потакать нельзя, нужно давать отпор, вежливо, но твердо.

Дама, Гвен Новак, как раз выразила желание напудрить нос и покинула наш столик, когда появился герр Безымянный и без приглашения уселся напротив меня. Я уже собирался сказать ему, чтобы он проваливал, но тут он назвал имя: Уокер Эванс.

Нет никаких «Уокеров Эвансов».

Это имя является – или должно являться – своего рода посланием от одного из шести человек, пятерых мужчин и одной женщины. Оно должно было напомнить мне о старом долге. Вполне возможно, что в счет уплаты по тому долгу я должен был кого-то убить, – возможно, но маловероятно.

И совершенно нелегко, чтобы я отправился кого-то убивать по приказу незнакомца только потому, что он назвал это имя.

Я считал, что обязан его выслушать, но вовсе не собирался позволить ему испортить этот вечер. Он сидел за моим столиком и мог бы, черт побери, вести себя так, как подобает приглашенному гостю.

– Сэр, если не хотите полный ужин, попробуйте хотя бы закуски. Кроличье рагу на гренке, может быть, приготовлено из крысы, но стараниями шеф-повара на вкус напоминает амброзию.

– Но я не хочу...

– Прошу вас. – Я поймал взгляд официанта. – Моррис? – Тот немедленно оказался рядом. – Моррис, пожалуйста, три порции кроличьего рагу. И попроси Ганса выбрать для меня сухое белое вино.

– Да, доктор Эймс.

– И пожалуйста, не подавай на стол, пока не вернется дама.

– Конечно, сэр.

Я подождал, пока официант не отойдет.

– Моя гостья скоро вернется. У вас есть несколько минут, чтобы объясниться наедине. Для начала назовите свое имя.

² Аллан Маклеод «Гас» Грей – однокашник Роберта Хайнлайна по Академии ВМФ в Аннаполисе. – Примеч. С. В. Голд.

– Мое имя не имеет значения. Я...

– Ну же, сэр! Ваше имя? Пожалуйста.

– Мне велели просто сказать «Уокер Эванс»...

– Это я уже слышал. Но вы не Уокер Эванс, и я не собираюсь иметь дело с тем, кто не желает представляться. Скажите, кто вы, и хорошо бы еще взглянуть на ваше удостоверение личности.

– Но... полковник, куда важнее объяснить, кто именно должен умереть и почему убить его должны именно вы! Неужели не ясно?

– Пока мне ничего не ясно. Ваше имя, сэр! И удостоверение. И еще, пожалуйста, не называйте меня полковником: я – доктор Эймс.

Мне пришлось повысить голос, чтобы его не заглушил грохот барабанов – начиналось вечернее представление. Свет померк, и луч прожектора вырвал из полумрака конференсье.

– Ладно, ладно! – Непрошенный гость достал из кармана бумажник. – Но Толливер должен умереть к полудню воскресенья или умрем мы все!

Он раскрыл бумажник, собираясь показать удостоверение, но тут на его белой рубашке появилось маленькое темное пятнышко. Лицо незнакомца на миг обрело удивленное выражение, потом он тихо проговорил «Простите» и наклонился вперед. Похоже, он хотел что-то добавить, но изо рта его хлынула кровь, а голова упала на скатерть.

Мгновенно вскочив со стула, я оказался справа от него, а слева так же молниеносно возник Моррис. Возможно, Моррис пытался ему помочь, но я знал, что уже слишком поздно. Четырехмиллиметровая игла проделывает маленькое входное отверстие и не оставляет выходного, взрываясь внутри тела. Если взрыв происходит внутри туловища, смерть наступает мгновенно. Я внимательно оглядывал толпу вокруг себя, – а кроме того, у меня имелось еще одно маленькое дельце.

Пока я пытался высмотреть убийцу, к Моррису присоединились метрдотель и помощник официанта. Все трое действовали так быстро и слаженно, словно у них каждый вечер убивали клиентов прямо за столом. Ловко и незаметно, как китайские рабочие сцены, они убрали труп. Еще один официант собрал приборы и снял скатерть, тут же вернулся с новыми и накрыл столик на двоих.

Я снова сел. Разглядеть вероятного убийцу я так и не смог, даже не увидел никого, кто проявлял бы подозрительное отсутствие интереса к происшествию за моим столиком. Люди пристально смотрели в мою сторону, но когда труп исчез, переключили внимание на шоу. Никто не кричал от ужаса. Если кто-то что-то и заметил, похоже, все решили, что клиенту стало плохо или тот перебрал.

Бумажник покойника лежал теперь в левом кармане моего пиджака.

Когда вернулась Гвен Новак, я снова встал и подвинул ей стул.

– Что я пропустила? – благодарно улыбнувшись, спросила она.

– Немного. Шутки, устаревшие до твоего рождения. Некоторые устарели еще до рождения Нила Армстронга.

– Мне нравятся старые шутки, Ричард. По крайней мере, знаешь, где смеяться.

– Тогда ты оказалась в нужном месте.

Старые шутки мне тоже нравятся, как и все старое – старые друзья, старые книги, старые стихи, старые пьесы. Наш вечер тоже начался с моей любимой старой постановки – «Сон в летнюю ночь», устроенной балетным театром Галифакса, с Луанной Полин в роли Титании. Танцевальные номера при пониженной силе тяжести, живые актеры и волшебные голограммы создавали образ сказочной страны, которая наверняка понравилась бы Шекспиру. Новизна – отнюдь не достоинство.

Вскоре музыка заглушила престарелые шутки конференсье. Хор, подобно волне, выплыл на танцпол, грациозно двигаясь благодаря половинной силе тяжести. Принесли рагу, а с ним

и вино. Когда мы поели, Гвен пригласила меня на танец. Несмотря на искусственную ногу, при уменьшенном тяготении я вполне справляюсь с классическими медленными танцами – вальсом, легким петтингом под музыку, танго и тому подобным. Танцевать с теплой, живой, ароматной Гвен – наслаждение для истинного сибарита.

Вечер завершился на радостной ноте. Незнакомец, отличавшийся настолько дурным вкусом, что позволил убить себя за моим столиком, естественно, оставался проблемой – но Гвен, похоже, так и не узнала о неприятном происшествии, и я сделал зарубку в памяти, намереваясь разобраться с этим позже. Если честно, я был готов к тому, что меня в любой момент могут тронуть за плечо... но пока что наслаждался хорошей едой, хорошим вином и хорошей компанией. Жизнь полна трагедий, и если постоянно думать о них, ты не сможешь просто наслаждаться невинными удовольствиями жизни.

Гвен знала, что моя нога не выдержит долгих танцев, и, как только музыка смолкла, направилась к столику. Я знаком велел Моррису принести счет, и тот извлек его словно из ниоткуда. Набрав свой кредитный код, я добавил чаевые, в полтора раза больше, чем обычно, и подтвердил оплату отпечатком пальца. Моррис поблагодарил меня.

– Еще рюмочку на ночь, сэр? – осведомился он. – Или бренди? Может, дама хочет ликера? За счет «Конца радуги».

Владелец ресторана, древний египтянин, считал, что следует быть щедрым, по крайней мере к постоянным клиентам. Сомневаюсь, что к туристам с шарика относились так же.

– Гвен? – обратился я к даме, думая, что та откажется, – обычно она ограничивалась одним бокалом вина. Всего одним.

– Если можно, «Куантро». Мне бы хотелось остаться и послушать музыку.

– «Куантро» для дамы, – записал Моррис. – Доктор?

– Пожалуйста, «Слезы Марии» и стакан воды.

– Мне нужно поговорить с тобой, Ричард, – тихо проговорила Гвен, когда Моррис ушел. – Хочешь сегодня переночевать у меня? Не бойся, ты можешь спать один.

– Я не настолько люблю спать один. – Я мысленно перебрал возможные варианты. Гвен заказала напиток, которого ей не хотелось, чтобы сделать мне предложение, выглядевшее несколько странно. Обычно она достаточно прямолинейна, и если бы хотела спать со мной, так бы и сказала, а не ходила вокруг да около.

Итак, она пригласила меня переночевать в ее жилом модуле, считая, что спать в собственной постели для меня будет неразумно или небезопасно. А значит...

– Ты видела?

– Издали. Подождала, пока все не успокоится, и только потом вернулась к столику. Ричард, я не очень понимаю, что случилось, но если тебе нужно залечь на дно, будь моим гостем.

– Спасибо, дорогая! – (Вот бесценное сокровище: друг, который готов помочь, не требуя объяснений.) – Не знаю, соглашусь я или нет, но я перед тобой в долгу. Гм... Гвен, я тоже не очень понимаю, что случилось. Незнакомца убивают, когда он пытается что-то тебе сказать, – до чего избитое клише! Если бы я в наше время захотел написать об этом рассказ, меня с позором изгнали бы из гильдии. – Я улыбнулся Гвен. – В классическом варианте убийцей оказываешься ты... и это выясняется постепенно, пока ты притворяешься, будто помогаешь мне в поисках преступника. Искушенный читатель понимает все с первой главы, но я, как детектив, не заметил бы того, что выпирает, словно нос на лице. Уточнение: на моем лице.

– Ну, у меня не такой уж выдающийся нос – мужчины в основном запоминают мой рот. Ричард, я не собираюсь помогать тебе повесить это на меня, я всего лишь предлагаю тебе убежище. Его в самом деле убили? Я так и не знаю в точности.

– Гм? – От поспешного ответа меня уберег Моррис, который принес напитки. Когда он ушел, я сказал: – Другая возможность мне даже в голову не приходила. Гвен, его точно не

ранили. Либо он умер почти мгновенно, либо все это – инсценировка. Возможно ли такое? Конечно. Головидео в реальном времени, с минимумом декораций. – Я задумался. Почему персонал ресторана так быстро и исправно убрал все следы? Почему я не ощутил пресловутого прикосновения к плечу? – Гвен, я принимаю твоё предложение. Если я нужен прокторам, они меня найдут. Но мне хотелось бы подробнее обсудить то, что случилось, а здесь это невозможно, как бы тихо мы ни говорили.

– Хорошо. – Она встала. – Я ненадолго, дорогой.

Она направилась в сторону туалетов.

Когда я поднялся, Моррис подал мне трость. Опираясь на нее, я последовал за Гвен. На самом деле я могу обходиться без трости – как вы уже знаете, я могу даже танцевать, – но с ней моя чертова нога меньше устает.

Выйдя из мужского туалета, я сел в вестибюле, чтобы подождать Гвен.

Я ждал и ждал ее.

Когда все это вышло за пределы разумного, я отыскал метрдотеля.

– Тони, ты не попросишь кого-нибудь из женщин заглянуть в дамский туалет и проверить, что с госпожой Новак? Возможно, ей стало плохо или у нее какие-то проблемы.

– Вы про свою спутницу, доктор Эймс?

– Да.

– Но она ушла двадцать минут назад. Я сам ее проводил.

– Вот как? Похоже, я неправильно ее понял. Спасибо. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, доктор. Ждем вас снова.

Выйдя из «Конца радуги», я немного постоял в общественном коридоре снаружи – кольцо номер тридцать, уровень с половинной силой тяжести, недалеко от радиуса двести семьдесят по часовой стрелке. Петтикоут-лейн³ – достаточно оживленное место даже в час ночи. Я осмотрелся в поисках прокторов, подстерегающих меня, почти ожидая, что Гвен уже сидит в камере.

Прокторов нигде не было видно. Как и Гвен.

Я помню все старые шутки о женщинах и о погоде, «*La donna è mobile*»⁴ и так далее, но считаю их неудачными. Гвен не могла внезапно взять и передумать. По какой-то причине – и весьма серьезной – она ушла одна и теперь ждет меня у себя дома.

По крайней мере, так я сказал сам себе.

А потом я пришел домой, и... трам-тарарам!

Гвен мирно спала в моей постели.

Тихо отойдя от кровати, я бесшумно разделся, вошел в ванную и запер за собой дверь. Хотя она не пропускала звуков – жилище было роскошным, – я все же старался не слишком шуметь, принимая душ. У меня имелись сомнения насчет звукопроницаемости. Когда я стал настолько чистым и благоуханным, насколько самец безволосой обезьяны может добиться этого без хирургической операции, я тихо вернулся в спальню и осторожно забрался в постель. Гвен пошевелилась, но не проснулась.

Проснувшись ночью, я выключил будильник, но утром все равно встал в обычное время: мочевого пузыря не выразишь. Я встал, сделал свои дела, принял душ и, решив, что мне хочется жить, натянул комбинезон, неслышно прошел в гостиную и открыл кладовку, изучая свои запасы. Особому гостю подобает особый завтрак.

³ Петтикоут-лейн – торговая улица в Лондоне, по имени которой названо место.

⁴ Женщина непостоянна (*ит.*). Слова из арии герцога из оперы Дж. Верди «Риголетто», больше известные в другом переводе: «Сердце красавицы склонно к измене».

Я оставил дверь в комнату открытой, чтобы видеть Гвен. Думаю, ее разбудил аромат кофе.

– Доброе утро, красавица, – крикнул я, увидев, что она открыла глаза. – Вставай и чисти зубы – завтрак готов.

– Я уже почистила час назад. Давай обратно в постель.

– Нимфоманка. Апельсиновый сок, черешню или то и другое?

– Гм... и то, и то. Не уходи от темы. Иди сюда и встреть свою судьбу, как подобает мужчине.

– Сперва поешь.

– Ричард – слабак, Ричард – маменькин сынок!

– Еще какой трус. Сколько вафель ты можешь съесть?

– Гм... ну и проблема. Ты что, не можешь размораживать их по одной?

– Они не замороженные. Еще несколько минут назад они были живые и пели. Я сам убил их и освежевал. Говори, или я съем все сам.

– Боже, стыд и позор! Мне отказано в вафлях. Остается только уйти в монастырь. Две.

– Три. Ты имеешь в виду женский монастырь?

– Я знаю, что я имею в виду. – Гвен встала, пошла под душ и быстро оттуда вышла в одном из моих халатов, из-под которого то тут, то там проступали аппетитные куски ее тела. Я протянул ей стакан сока, и она сделала два глотка, прежде чем продолжить: – Буль-буль. Господи, до чего хорошо. Ричард, когда мы поженимся, ты будешь каждое утро готовить мне завтрак?

– Твой вопрос содержит в себе намеки, которые я не готов обсуждать...

– И это после того, как я доверилась тебе и отдала все!

– ...но я признаю без всяких обсуждений, что приготовлю завтрак для двоих настолько же охотно, как и для одного. Но с чего ты предположила, будто я собираюсь на тебе жениться? Чем ты можешь меня соблазнить? Будешь вафлю?

– Ну, знаешь ли, не все мужчины настолько взыскательны! Некоторые готовы жениться на бабушке. Мне уже предлагали. Да, вафлю буду.

– Передай тарелку, – улыбнулся я. – Если ты бабушка, то у меня две ноги. Ты должна была зачать после первых же месячных, а твое потомство – мгновенно разродиться.

– Ни то ни другое, и все же я бабушка. Ричард, я пытаюсь объяснить две вещи. Нет, даже три. Во-первых, я серьезно хочу выйти за тебя замуж, если ты согласишься... а если нет, оставлю тебя в качестве домашнего зверька и буду готовить тебе завтрак. Во-вторых, я действительно бабушка. В-третьих, если, несмотря на мой почтенный возраст, ты захочешь иметь от меня детей, я вполне способна на это благодаря чудесам современной микробиологии, которые заодно позволяют обходиться без морщин. Если пожелаешь меня обрюхатить, это будет не так уж сложно.

– Пожалуй, я смог бы себя заставить. Здесь кленовый сироп, а здесь черничный. Может, это уже случилось прошлой ночью?

– Дата не сходится, по крайней мере на неделю... А если бы я ответила: «В яблочко!» – что бы ты сказал?

– Хватит шуток. И доедай вафлю. Готова еще одна.

– Ты чудовище, ты садист. И урод.

– Совсем не урод, – возразил я. – Я не родился без ноги, мне ее ампутировали. Моя иммунная система наотрез отказывается принимать трансплантаты, так что... Кстати, это одна из причин того, почему я живу в условиях низкой гравитации.

Гвен внезапно посерьезнела:

– Дорогой! Я вовсе не имела в виду твою ногу. Господи, твоя нога вовсе ни при чем... разве что теперь я буду осторожнее, чтобы не слишком тебя напрягать.

– Извини, но вернемся к исходному пункту. Почему я урод?

Она тут же повеселела:

– Сам не знаешь? Ты мне так все растянул, что вряд ли я теперь сгожусь для нормального мужчины. А теперь еще и жениться не хочешь. Давай обратно в постель.

– Сначала закончим завтракать и решим этот вопрос. У тебя что, совсем нет чувства сострадания? Я не говорил, что не хочу на тебе жениться... и ничего тебе не растягивал.

– О, какая вопиющая ложь! Передай, пожалуйста, масло. Ты и впрямь урод! Какой длины этот твой набалдашник с костью внутри? Двадцать пять сантиметров? Больше? А в поперечнике? Если бы я его сперва увидела, ни за что бы не рискнула.

– Вздор! В нем нет и двадцати сантиметров. Я ничего тебе не растягивал – размер вполне себе средний. Видела бы ты моего дядю Джока. Еще кофе?

– Да, спасибо. Но ты и вправду мне все растянул! Гм... а у твоего дяди Джока и впрямь больше?

– Намного.

– Гм... где он живет?

– Доедай вафлю. Все еще хочешь затащить меня обратно в постель? Или собираешься написать дяде Джоку?

– А может, сделать и то и другое? Да, еще немного бекона, спасибо. Ричард, ты хорошо готовишь. Я не хочу замуж за дядю Джока, мне просто любопытно.

– Только не проси его показать свое достоинство без серьезных намерений, у него-то они всегда серьезные. Когда ему было двенадцать, он соблазнил жену своего скаутмастера и сбежал вместе с ней. В Южной Айове было по этому поводу много шума, поскольку женщина не хотела с ним расставаться. Сто с лишним лет назад к таким делам относились очень серьезно – по крайней мере в Айове.

– Ричард, ты хочешь сказать, что дяде Джоку больше ста лет и он сохранил мужскую силу?

– Сто шестнадцать. До сих пор кувыркается с женами, дочерьми, мамашами и скотиной своих приятелей. И еще у него три собственные жены в соответствии с законом Айовы о сожительстве пожилых граждан. Одна из них, моя тетя Сисси, еще учится в средней школе.

– Ричард, порой мне кажется, что ты не всегда правдив. У тебя некоторая склонность к преувеличениям.

– Разве можно так говорить со своим будущим мужем, женщина? Позади тебя терминал. Набери Гриннел, Айова – дядя Джок живет неподалеку от него. Давай позвоним ему? Если скажешь ему пару ласковых слов, он, возможно, покажет тебе предмет своей гордости. Ну так что, дорогая?

– Это увертка, чтобы не затащить меня в постель.

– Еще вафлю?

– Не пытайся меня подкупить. Гм... ну, может, половинку. Поделимся?

– Нет. Каждому по одной.

– Аве, Цезарь! Ты тот самый дурной пример, в котором я всегда нуждалась. Как только поженимся, я тут же растолстею.

– Рад, что ты об этом сказала. Не решался тебе говорить, но ты действительно слегка худощава. Острые углы, синяки... Не помешало бы немного прослойки.

Последующие слова Гвен я опушу – они звучали цветисто, даже лирично, но, по моему мнению, не подходили женщине. И поскольку это не в ее стиле, пусть они останутся тайной.

– По правде говоря, это несущественно, – сказал я. – Меня восхищают твой ум и твоя ангельская душа. Твоя прекрасная душа. Не будем о телесном.

И вновь я опушу то, что услышал в ответ.

– Ладно, – согласился я. – Как хочешь. Возвращайся в постель и начинай думать о телесном. А я пока выключу вафельницу.

Чуть позже я спросил:

– Хочешь венчаться в церкви?

– Ух ты! Надо будет одеться в белое? Ричард, а ты принадлежишь к какой-нибудь церкви?

– Нет.

– И я тоже. Церковь – не самое подходящее для нас место.

– Согласен. Но тогда какой свадьбы ты хочешь? Насколько мне известно, другого способа заключить брак в «Золотом правиле» нет. В предписаниях Управляющего ничего об этом не говорится. Юридически института брака здесь не существует.

– Но, Ричард, многие как-то женятся.

– Но как, дорогая? Понимаю, что они вступают в брак, но если не посредством церкви, то каким образом? Никогда не пытался выяснить. Может, летят в Луна-Сити? Или на шарик? Как?

– Как захотят. Нанимают зал и какую-нибудь важную персону, чтобы этот человек связал молодоженов узами брака в присутствии толпы гостей, с музыкой и пышным празднеством... или дома, в кругу близких друзей. Или какой-нибудь промежуточный вариант. Выбирать тебе, Ричард.

– Ох нет, только не мне. Выбирай сама. Я просто не стану возражать. По-моему, лучше всего, когда женщина не вполне уверена в своем статусе. Это позволяет держать ее в легком напряжении. Эй! Перестань!

– Тогда не надо меня злить. Если не хочешь запеть сопрано на собственной свадьбе.

– Еще раз так сделаешь, и никакой свадьбы не будет. Какую свадьбу ты бы хотела, дорогая?

– Ричард, я не желаю свадебной церемонии и не нуждаюсь в свидетелях. Просто хочу пообещать тебе все то, что должна обещать жена.

– Уверена, Гвен? Не слишком ли ты спешишь?

Черт побери, обещания, сделанные женщиной в постели, не должны ни к чему обязывать.

– Я вовсе не спешу. Я решила выйти за тебя больше года назад.

– В самом деле? Что ж, я... эй, мы ведь познакомились меньше года назад. На балу в честь Первого дня, двадцатого июля. Я помню.

– Верно.

– Ну и?...

– Что за «ну и», дорогой? Я решила выйти за тебя замуж еще до того, как мы познакомились. У тебя с этим проблемы? У меня их нет. И не было.

– Знаешь, я должен тебе кое-что сказать. В моем прошлом есть эпизоды, которыми я не могу похвастаться. Ну не то чтобы откровенно бесчестные, но довольно-таки темные дела. И Эймс – вовсе не та фамилия, которую я получил при рождении.

– Ричард, я буду только гордиться, если ко мне станут обращаться «миссис Эймс». Или... «миссис Кэмпбелл»... Колин Кэмпбелл.

– Что еще тебе известно? – поинтересовался я после паузы.

Она смотрела мне прямо в глаза, без тени улыбки на лице.

– Все, что мне нужно знать. Полковник Колин Кэмпбелл, которого его подчиненные и составители официальных отчетов называют «Убийца Кэмпбелл». Ангел-спаситель студентов академии имени Персиваля Лоуэлла. Среди них была моя старшая дочь. Знаешь об этом, Ричард – или Колин?

– Будь я навеки проклят...

– Сомневаюсь, что это произойдет.

– И только поэтому ты намерена выйти за меня замуж?

– Нет, дорогой. Этой причины было достаточно год назад. Но в моем распоряжении было несколько месяцев, чтобы разглядеть за сказочным героем человека. И... вчера я поспешила затащить тебя в постель, но мы с тобой женимся не только из-за этого. Хочешь знать о моем темном прошлом? Я расскажу.

– Нет. – Я повернулся к ней и взял ее руки в свои. – Гвендолин, я хочу, чтобы ты стала моей женой. Хочешь, чтобы я стал твоим мужем?

– Хочу.

– Я, Колин Ричард, беру тебя, Гвендолин, в жены и клянусь обладать тобой, любить и заботиться до тех пор, пока ты желаешь оставаться со мной.

– Я, Сэди Гвендолин, беру тебя, Колин Ричард, в мужья и клянусь любить и заботиться о тебе до конца моей жизни.

– Уф! Полагаю, этого достаточно.

– Да. Но поцелуй же меня.

Я послушно подчинился.

– А откуда взялась «Сэди»?

– Мое настоящее имя – Сэди Липшиц. Мне оно не нравилось, и я его поменяла. Ричард, для того, чтобы наш брак стал официальным, осталось лишь объявить о нем. И я хочу сделать это, пока ты еще плохо соображаешь.

– Ладно. И как мы об этом объявим?

– Можно воспользоваться твоим терминалом?

– *Нашим* терминалом. Тебе незачем спрашивать разрешения.

– Нашим терминалом. Спасибо, дорогой. – Встав, она подошла к терминалу, вызвала справочник, а затем позвонила в «Вестник „Золотого правила“» и попросила переключить на редактора отдела светской хроники. – Запишите, пожалуйста: доктор Ричард Эймс и госпожа Гвендолин Новак счастливы объявить о своем сегодняшнем бракосочетании. Никаких подарков и цветов. Прошу подтвердить.

Она отключилась. Оттуда сразу же перезвонили, я ответил и подтвердил сообщение.

– Ричард, возможно, я нажала на тебя, – вздохнула она, – но у меня не было другого выхода. Теперь ни один суд не может потребовать, чтобы я свидетельствовала против тебя. И я хочу помочь тебе, чем могу. Почему ты убил его, дорогой? И как?

2

*Чтобы разбудить тигра, возьми палку подлиннее.
Мао Цзэдун (1893–1976)*

Я задумчиво посмотрел на свою новобрачную.

– Ты весьма любезна, дорогая, и я благодарен тебе за то, что ты не хочешь свидетельствовать против меня. Но сомневаюсь, что упомянутый тобой принцип действует в здешней юрисдикции.

– Но это же всеобщий закон, Ричард. Никто не может принудить жену свидетельствовать против мужа. Все это знают.

– Вопрос в том, знает ли об этом Управляющий. Компания исходит из того, что на данной орбитальной станции существует только один закон, Золотое правило⁵, и утверждает, что предписания Управляющего – всего лишь практическая интерпретация этого закона, базовые принципы, которые могут меняться прямо во время судебного заседания и иметь обратную силу, если Управляющий так решит. Гвен, я не знаю. Заместитель Управляющего может посчитать, что ты – ключевой свидетель Компании.

– Я не стану свидетельствовать против тебя! Не стану!

– Спасибо, любовь моя. Но давай все же выясним, как выглядели бы твои показания, если бы ты стала свидетелем по делу... как мы его назовем? Ну... допустим, меня обвиняют в том, что мои незаконные действия стали причиной смерти... гм... господина Икс, незнакомца, который вчера вечером подошел к нашему столику, когда ты удалилась в дамскую комнату. Что ты видела?

– Ричард, я видела, как ты его убил. Видела!

– Прокурор захочет подробностей. Ты видела, как он подошел к нашему столику?

– Нет. Я его не видела, пока не вышла из туалета и не направилась к столику... и меня удивило, что на моем месте кто-то сидит.

– Ладно, вернись немного назад и расскажи о том, что именно ты видела.

– Гм... я вышла из дамской комнаты и свернула налево, к нашему столику. Как ты помнишь, ты был ко мне спиной...

– Не важно, что помню я, – рассказывай то, что помнишь ты. Как далеко ты находилась?

– Ну... не знаю. Может, метрах в десяти. Могу пойти туда и померить. Это так важно?

– Если окажется, что это важно, можешь померить. Ты видела меня с расстояния в десять метров. Что я делал? Стоял? Сидел? Двигался?

– Ты сидел ко мне спиной.

– Ты видела только мою спину, к тому же света было маловато. Как ты поняла, что это я?

– Слушай, Ричард, по-моему, ты намеренно все усложняешь.

– Да, поскольку именно так поступают прокуроры. Как ты меня узнала?

– Гм... это в самом деле был ты, Ричард. Твой затылок я знаю не хуже, чем твое лицо. Так или иначе, именно твое лицо я увидела, когда ты встал и двинулся с места.

– Именно это я и сделал в следующий момент? Встал?

– Нет-нет. Я увидела, что ты сидишь за нашим столиком, а потом остановилась, когда заметила, что напротив тебя, на моем стуле, кто-то сидит. Я просто стояла и смотрела на вас.

– Ты его узнала?

– Нет. Думаю, я никогда его не видела.

⁵ Имеется в виду библейский принцип: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7: 12).

– Опиши его.

– Гм... не очень получается.

– Низкий? Высокий? Возраст? Бородатый? Цвет кожи? Как одет?

– Я не видела его стоящим. Не молодой, но и не старый. И вряд ли у него была борода.

– Усы?

– Не знаю.

(Я-то знал – безусый, лет тридцати.)

– Цвет кожи?

– Белый. Светлокожий, но не блондин, как шведы. Ричард, у меня не было времени запомнить все подробности. Он угрожал тебе каким-то оружием, ты выстрелил в него и вскочил, как только подошел официант. А я отошла подальше и ждала, пока не забрали труп.

– Куда его забрали?

– Точно не знаю. Я вернулась в дамскую комнату и заперла за собой дверь. Может, его унесли в мужской туалет, прямо напротив женского. Но в конце коридора есть еще одна дверь с табличкой «Только для персонала».

– Говоришь, он угрожал мне оружием?

– Да. Потом ты выстрелил в него, вскочил, схватил его оружие и сунул в карман в тот самый момент, когда с другой стороны подошел наш официант.

(Ого!)

– В какой карман я его положил?

– Дай подумать... Так, сейчас мысленно повернусь в ту сторону... В левый карман. В левый наружный карман пиджака.

– Как я был одет вчера вечером?

– В вечерний костюм – мы пришли прямо с балета. Белый свитер с высоким воротником, красно-коричневый пиджак, черные брюки.

– Гвен, поскольку в спальне спала ты, я разделся вчера здесь, в гостиной, и повесил одежду в тот шкаф, что у входной двери, хотел перевесить ее позже. Будь любезна, открой его, найди пиджак, который был на мне вчера, и достань из левого наружного кармана «оружие», которое я положил туда у тебя на глазах.

– Но... – Гвен замолчала и с серьезным видом выполнила мою просьбу. Мгновение спустя она вернулась. – Вот все, что было в том кармане. – Она протянула мне бумажник незнакомца. Я взял его.

– Это и есть оружие, которым он мне угрожал. – Затем я показал ей собственный правый указательный палец. – А это оружие, из которого я его застрелил, когда он нацелил бумажник на меня.

– Не понимаю.

– Милая, именно поэтому криминалисты больше верят косвенным уликам, чем показаниям очевидцев. Ты идеальная свидетельница – умная, искренняя, отзывчивая и честная. То, о чем ты рассказала, – мешанина из того, что ты видела, того, что тебе показалось, того, чего ты не заметила, хотя оно было прямо у тебя перед носом, и того, что додумывает твой разум, пытаюсь связать то, что ты видела, и то, что тебе показалось. И теперь эта мешанина прочно засела у тебя в мозгу, приняв облик истинных воспоминаний очевидца. Но на самом деле все было не так.

– Но, Ричард, я и вправду видела...

– Ты видела, как убили того несчастного клоуна. Но ты не видела, как он мне угрожал, не видела, как я в него стрелял. Его застрелил некто третий с помощью разрывной иглы. Поскольку он сидел лицом к тебе и удар пришелся в грудь, игла должна была пролететь рядом с тобой. Не заметила никого, кто встал со своего места?

– Нет. Ну да, вокруг носились официанты, их помощники и метрдотель, а люди вставали и садились. Хочу сказать, что я не заметила никого в особенности, и уж точно не заметила, чтобы кто-нибудь стрелял. Кстати, из чего?

– Гвен, возможно, эта вещь не была похожа на пистолет. Замаскированное оружие наемного убийцы для стрельбы иглами с близкого расстояния может выглядеть как угодно, лишь бы одна из его сторон имела в длину сантиметров пятнадцать. Дамская сумочка, фотоаппарат, театральный бинокль – бесконечный список совершенно невинных предметов. От этого нет толку: я сидел спиной, а ты не видела ничего необычного. Игла, вероятно, прилетела из-за твоей спины. Поэтому забудь. Попробуем лучше выяснить, кем был убитый или за кого он себя выдавал.

Я извлек содержимое всех отделений бумажника, включая плохо спрятанное «секретное», где лежали выпущенные цюрихским банком золотые сертификаты стоимостью примерно семнадцать тысяч крон – судя по всему, они предназначались на случай поспешного бегства.

В бумажнике лежало также удостоверение личности, выдаваемое «Золотым правилом» каждому прибывающему на центральный модуль станции. Оно говорит лишь о том, что его владелец обладает лицом, назвался неким именем и заявил о своем гражданстве, возрасте, месте рождения и так далее, а также оставил в залог Компании обратный билет или эквивалентную сумму наличными и оплатил потребление воздуха за девяносто дней. По большому счету Компанию интересуют только последние два пункта.

Не знаю наверняка, вышвырнет ли Компания в космос того, кто по недосмотру оказался без обратного билета и денег на оплату воздуха. Возможно, ему позволят отдать себя в кабалу, но я бы на это не рассчитывал. Лично я не стал бы рисковать, зная, что в случае чего придется глотать вакуум.

Удостоверение выдали на имя Энрико Шульца, тридцати двух лет, гражданина Белиза, родившегося в Сьюдад-Кастро, бухгалтера по профессии. На фото был тот самый бедолага, который погиб из-за того, что решил встретиться со мной в слишком людном месте. Я в очередной раз удивился тому, что он мне не позвонил и не договорился о встрече с глазу на глаз. В справочник я занесен как «доктор Эймс», и если бы он сказал «Уокер Эванс», его выслушали бы внимательно.

Я показал удостоверение Гвен.

– Это и есть наш приятель?

– Кажется, да. Хотя не уверена.

– Зато я уверен, так как несколько минут общался с ним лицом к лицу.

Самым странным в бумажнике Шульца оказалось то, чего там не было. Кроме швейцарских золотых сертификатов, в нем лежали восемьсот тридцать одна крона наличными и удостоверение, то самое.

И больше ничего.

Ни кредитных карт, ни лицензии пилота, ни страховых полисов, ни карточек профсоюза или гильдии, ни других удостоверений личности, ни клубных карт – вообще ничего. Мужские бумажники подобны дамским сумочкам: в них собирается всевозможный хлам – фотографии, вырезки, списки покупок и так до бесконечности. Поэтому их приходится периодически чистить. Но десяток мелочей, без которых современный мужчина не в состоянии обойтись, остается на месте после любой чистки. А у моего приятеля Шульца ничего такого не оказалось.

Вывод: он не горел желанием афишировать свою реальную личность. Следствие: где-то на станции «Золотое правило» имелся тайник с его личными документами – еще одним удостоверением на другое имя, паспортом, почти наверняка выданным не властями Белиза, и прочим, что позволило бы узнать о его прошлом, его мотивах и, возможно, о том, откуда ему было известно имя Уокера Эванса.

Можно ли их отыскать?

Мои мысли занимал еще один вопрос, связанный с золотыми сертификатами на семнадцать тысяч. Вдруг Шульц рассчитывал посредством такой мизерной суммы нанять меня для убийства Толливера? Если так, мне следовало бы обидеться. Лучше думать, что он надеялся убедить меня совершить убийство для блага общества.

– Хочешь со мной развестись? – спросила Гвен.

– Гм?

– Ведь я сама тебя к этому подтолкнула. У меня были благие намерения, честно! А оказалось, что я поступила глупо.

– Ох, Гвен, ты хочешь, чтобы я женился и развелся в тот же самый день? Да никогда в жизни. Если действительно хочешь от меня избавиться, потерпи до завтра. Хотя, если честно, стоило бы устроить мне испытательный срок на месяц или как минимум на полмесяца. И позволить мне устроить такой же срок тебе. Пока что ты прекрасно справляешься со своими обязанностями, как в горизонтальном, так и в вертикальном положении. Если меня что-то не устроит, я скажу. Согласна?

– Вполне. Хотя я могла бы побить тебя насмерть твоей собственной софистикой.

– Избиение мужа до смерти – привилегия каждой замужней женщины... если это происходит не на виду у всех. Сбавь обороты, дорогая, у меня и без того хватает проблем. Можешь придумать хоть одну причину, по которой следует убить Толливера?

– Рона Толливера? Нет. Хотя не могу придумать причины, по которой он должен остаться в живых. Грубиян и невежа.

– Кто бы спорил. Не будь он одним из партнеров Компании, ему давно велели бы забрать свой обратный билет и проваливать. Но я не говорил «Рон Толливер», я сказал просто «Толливер».

– Их что, много таких? Надеюсь, что нет.

– Посмотрим. – Я подошел к терминалу, вызвал справочник и пролистал до буквы «Т». – Ронсон Х. Толливер, Ронсон К. – это его сын, – а вот и жена, Стелла М. Толливер. Ха! Тут еще говорится: «См. также „Тальяферро“».

– Это изначальное написание, – сказала Гвен. – Но произносится все равно «Толливер».

– Уверена?

– Вполне. По крайней мере, к югу от линии Мэйсона-Диксона⁶ на шарике. Считается, что «Толливер» пишет только белое быдло, не знающее орфографии, а те, кто пишет по-старому и потом выговаривает все буквы, – из новоприбывших янки, носивших раньше фамилию Липшиц или вроде того. Настоящие же плантаторы-аристократы, которые хлестали негров и трахали их девок, писали по-старому, а произносили по-новому.

– Жаль, что ты все это мне рассказала.

– Почему, дорогой?

– Здесь перечислены трое мужчин и одна женщина, которые пишут эту фамилию по-старому, «Тальяферро». Я никого из них не знаю. Соответственно, не знаю, кого мне убивать.

– А тебе обязательно кого-то убивать?

– Не знаю. Гм... пора ввести тебя в курс дела. Если, конечно, ты планируешь оставаться моей женой как минимум две недели. Да?

– Конечно! Две недели и всю оставшуюся жизнь! А ты – мужская шовинистическая свинья!

– Полностью оплаченное пожизненное членство в клубе.

– Еще и дразнишься!

– Мне тоже кажется, что ты симпатичная. Хочешь обратно в постельку?

– Нет. Сначала реши, кого собираешься убить.

⁶ Линия Мэйсона-Диксона – символическая граница между северными и южными штатами США до Гражданской войны.

– На это может потребоваться время. – Я постарался как можно более подробно и бесстрастно изложить историю моего короткого знакомства с тем, кто пользовался фамилией Шульц. – И это все, что мне известно. Он умер слишком быстро, не дав мне узнать больше, и оставил после себя бесчисленные вопросы.

Снова повернувшись к терминалу, я переключил его в режим текстового редактора и создал новый файл, словно приступая к очередной халтуре:

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

НЕВЕРНО НАПИСАННОЙ ФАМИЛИИ

Вопросы, требующие ответа:

1. Толливер или Тальяферро?
2. Почему Т. должен умереть?
3. Почему «умрем мы все», если Т. не умрет к полудню воскресенья?
4. Кто тот покойник, называвший себя Шульцем?
5. Почему я – естественная кандидатура на роль убийцы Т.?
6. Необходимо ли данное убийство?
7. Кто из Общества памяти Уокера Эванса натравил на меня этого болвана? И зачем?
8. Кто убил Шульца? И зачем?
9. Почему персонал «Конца радуги» сразу же скрыл все следы убийства?
10. (Вопрос общего характера) Почему Гвен ушла раньше меня, почему она пришла сюда, а не к себе, и как она сюда попала?

– Будем рассматривать по порядку? – спросила Гвен. – Номер десятый – единственный, на который я могу ответить.

– Я добавил его только что, – сказал я. – Что касается первых девяти – если я сумею найти ответы на любые три из них, то смогу путем умозаключений ответить и на остальные.

Я продолжил набирать текст на экране:

ВОЗМОЖНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

*Если опасность или тупик -
бегай кругами, погромче крик*

– И что, помогает? – спросила Гвен.

– Каждый раз! Спроси любого старого вояку. А теперь – вопросы по порядку.

В. 1 – Позвонить каждому Тальяферро в справочнике. Узнать желаемое произношение фамилии. Вычеркнуть всех, кто произносит в ней каждую букву.

В. 2 – Откопать информацию обо всех оставшихся. Начать с архивов «Вестника».

В. 3 – Занимаясь вопросом номер 2, не упускать из виду любых событий, ожидающихся в воскресный полдень или запланированных на это время.

В. 4 – Если ты прибываешь на орбитальную станцию «Золотое правило» и хочешь скрыть свою личность, но должен иметь доступ к паспорту и другим документам, чтобы улететь отсюда, – где ты их спрячешь? Намек: выяснить, когда будущий покойный прибыл на «Золотое

правило». Затем проверить отели, камеры хранения, депозитные ячейки, почту до востребования и т. д.

В. 5 – отложить.

В. 6 – отложить.

В. 7 – Постараться позвонить каждому, кто связан «Клятвой Уокера Эванса». Продолжать, пока один из них не проговорится. Примечание: возможно, кто-то со студнем вместо мозгов слишком много болтал, сам о том не догадываясь.

В. 8 – Моррис, или метрдотель, или помощник официанта, или все они, или кто-то двое из них знают, кто убил Шульца. Кто-то из них явно этого ожидал. Так что поищем ключик к каждому из них – выпивку, наркотики, деньги, секс (*сomme si ou somme ça*⁷), – и еще, как тебя звали на шарике, дружок? Уж не разыскивают ли тебя? Найти слабое место и надавить. Прodelать это со всеми троими, а потом посмотреть, сходятся ли их рассказы. В каждом шкафу есть свой скелет. Таков закон природы – и поэтому надо найти все эти скелеты.

В. 9 – Деньги (вполне убедительное предположение, пока не доказано обратное).

(Вопрос: во что мне все это обойдется? Смогу ли я это себе позволить? Контрвопрос: могу ли я позволить себе *не* заниматься этим?)

– Вот что интересно, – задумчиво проговорила Гвен. – Когда я сунула нос в твои дела, я думала, у тебя серьезные проблемы. Но, похоже, у тебя все в порядке. Зачем тебе вообще что-то делать, муженек?

– Я должен его убить.

– Что?! Но ты же не знаешь, о каком Толливере идет речь! И о том, почему он должен умереть. Если вообще должен.

– Нет-нет, я не о Толливере. Хотя в итоге может оказаться, что Толливер все-таки должен умереть. Нет, дорогая, я о том, кто убил Шульца. Я должен найти его и убить.

– О, я, конечно, понимаю, что убийца заслуживает смерти. Но почему этим должен заниматься *ты*? Ты не знаком ни с тем, ни с другим – ни с убитым, ни с тем, кто его убил. Собственно, это никак тебя не касается. Разве нет?

– Еще как касается! Шульца, или как его там, убили после того, как я пригласил его за свой столик. Такого оскорбления я не потерплю. Гвен, любовь моя, если вы терпите дурные манеры, они становятся только хуже. Наша приятная во всех отношениях станция может превратиться в трущобы наподобие «Эль-пять»: толкотня, хамство, шум и сквернословие. Я должен найти того, кто это сделал, объяснить ему, в чем он виноват, дать возможность принести извинения, а затем убить его.

⁷ Или так, или этак (*фр.*).

3

*Мы должны прощать наших врагов, но не раньше, чем их повесят.
Генрих Гейне (1797–1856)*

Моя прекрасная супруга уставилась на меня.

– Ты способен убить человека за дурные манеры?

– А ты знаешь повод получше? Хочешь, чтобы я мирился с хамством?

– Нет, но... я могу понять, когда казнят за убийство – я вовсе не противница смертной казни. Но разве это не дело прокторов и здешнего руководства? Зачем тебе брать закон в свои руки?

– Гвен, я выразился неточно. Моя цель – не наказывать, а выпалывать сорняки... и еще получать эстетическое наслаждение от воздаяния за хамское поведение. Возможно, у неизвестного убийцы имелись веские причины прикончить того, кто называл себя Шульцем... но убийство в присутствии людей, занятых едой, так же оскорбительно, как публичная ссора между супругами. Проступок усугубляется тем, что убитый был моим гостем... поэтому воздаяние – не только мое право, но и обязанность. Меня не волнует тот факт, что убийство само по себе может считаться преступлением. Но раз уж речь зашла о том, что это дело прокторов и руководства, – тебе известен хоть один местный закон, запрещающий убийство?

– Что? Ричард, он наверняка существует.

– Никогда не слышал ни о чем подобном. Полагаю, Управляющий может счесть убийство нарушением Золотого правила...

– Да я в этом почти уверена!

– Правда? Лично я никогда не уверен в том, что может подумать Управляющий. Но, дорогая моя Гвен, убийство – не всегда преступление. Чаще всего оно не является таковым. Если Управляющий и обратит внимание на эту расправу, он может счесть ее вполне оправданной – преступлением против нравов, но не против морали. Но, – продолжил я, снова повернувшись к терминалу, – возможно, Управляющий уже решил данную проблему. Посмотрим, что пишут в «Вестнике».

Я вновь вызвал газету, перешел к свежему номеру и выбрал раздел с информацией о рождениях, браках, разводах и смертях.

Первым стояло объявление о бракосочетании Эймса и Новак. Я остановил прокрутку, увеличил текст, отправил на печать, оторвал листок и протянул супруге.

– Отправь своим внукам – пусть знают, что их бабуля больше не живет во грехе.

– Спасибо, дорогой. Ты так любезен... или мне только кажется?

– А еще я умею готовить.

Я прокрутил газету дальше, до некрологов. Обычно я читаю их первыми – всегда есть шанс на то, что какой-нибудь порадует меня.

Увы – только не сегодня. Ни одной знакомой фамилии, не говоря уже о Шульце. Никаких неопознанных тел. Никаких смертей «в популярном ресторане». Ничего, кроме обычного печального перечня незнакомцев, скончавшихся естественным образом, и одной жертвы несчастного случая. Перейдя к общим новостям станции, я начал просматривать строки, плывущие по экрану.

Ничего, кроме бесчисленных рутинных событий, от прибытия и отправления кораблей до главной новости: последнее дополнение станции, кольца 130–140, приведены во вращение, и если все пойдет по плану, их доставят на место, а с восьми ноль-ноль шестого числа начнут приваривать к основному цилиндру.

И здесь не было ничего о Шульце, никаких упоминаний о Толливере или Тальяферро и никаких неопознанных трупов. Вновь вернувшись к содержанию, я вызвал перечень событий на ближайшее воскресенье. Оказалось, что на полдень запланировано единственное мероприятие – проходящий по головидению круглый стол с участием представителей Гааги, Токио, Луна-Сити, «Эль-четыре», «Золотого правила», Тель-Авива и Агры на тему: «Кризис веры: современный мир на перепутье». Вести его будут председатель Гуманистического общества и далай-лама. Я пожелал им удачи.

– Пока что полный ноль. Гвен, как вежливо поинтересоваться у незнакомого человека насчет произношения его фамилии?

– Дай-ка попробую, дорогой. Я бы сказала: «Миз Толливух, это Глория Мид Кэлхун с Саванна. У вас есть в Чальстоне кухня Стэйси Мэй?» Если она поправит мое произношение, я извинюсь и отключусь. Но если она – или он – не станет возражать против упрощенной формы и при этом скажет, что не знает ни о какой Стэйси Мэй, я отвечу: «Вот я и сомневалась. Собственно, она говорила „Тальяферро“... но я знала, что это неправильно». И что тогда, Ричард? Договориться о встрече или «случайно» отключиться?

– Договориться, если возможно.

– О встрече с тобой? Или со мной?

– С тобой. Я пойду тоже. Но сначала мне придется купить шляпу.

– Шляпу?

– Такую смешную штуку, которую носят на верхней части головы. По крайней мере, так делают на шарике.

– Я знаю, что такое шляпа! Я тоже родилась на шарике, как и ты. Но сомневаюсь, что за пределами Земли хоть один человек видел шляпу. И где ты ее найдешь?

– Не знаю, дорогая, но могу тебе сказать, где она понадобится. Я вежливо приподниму ее при встрече и скажу: «Сэр или мадам, умоляю, расскажите мне, почему кто-то желает вашей смерти к полудню воскресенья». Гвен, меня беспокоит вопрос, с чего начать такую беседу. Общепринятые формы вежливости существуют почти для всех случаев – от предложения верной жене совершить адюльтер до вымогательства взятки. Но с чего начать разговор на *эту* тему?

– Разве нельзя просто сказать: «Не удивляйтесь, но вас хотят убить»?

– Нет, это будет неправильно. Я ведь не собираюсь предупреждать этого парня, что кто-то хочет его пристрелить. Я пытаюсь выяснить, *зачем* это кому-то понадобилось. А когда выясню, то возможно, всем сердцем поддержу эту идею и не стану ничего предпринимать... или даже могу настолько ею вдохновиться, что сам исполню намерение покойного господина Шульца, оказав услугу всему человечеству.

С другой стороны, мне это может настолько не понравиться, что я вмешаюсь и добровольно отдам все силы и саму жизнь предотвращению этого убийства. Если, конечно, цель – не Рон Толливер. Но сейчас рано решать, на чью сторону становиться, – нужно понять, что происходит. Гвен, любовь моя, профессиональный убийца не имеет права сперва убивать, а потом задавать вопросы. Людей это раздражает. – Я снова повернулся к терминалу и уставился на него, не дотрагиваясь до клавиш. – Гвен, прежде чем мы займемся местными звонками, надо бы заказать шесть звонков с временной задержкой, чтобы поговорить с каждым из «друзей Уокера Эванса». В любом случае, главная улика для меня – тот факт, что Шульц упомянул эту фамилию. Ее сообщил кто-то из шестерых... и он должен знать, почему Шульц так трясся от страха.

– С временной задержкой? Они все далеко?

– Не знаю. Один, вероятно, на Марсе, еще двое могут находиться в Поясе астероидов. Кто-то может даже пребывать на шарике, но под фальшивым именем, как и я. Гвен, поражение, которое вынудило меня оставить веселую профессию военного и сделало этих шестерых

моими братьями по крови... скажем так, пахло весьма дурно, с точки зрения публики. Я мог бы сказать, что репортеры, не присутствовавшие при этом, вряд ли поняли, почему так случилось. Я мог бы честно сказать, что то, что мы сделали, было моральным поступком – в том месте, в то время и с учетом тех обстоятельств. Я мог бы... не важно, дорогая. Скажу лишь, что моим братьям приходится скрываться. Разыскать всех – долгий и тяжкий труд.

– Но ты ведь хочешь поговорить только с одним? С тем, кто общался с Шульцем?

– Да, но я не знаю, кто это.

– Ричард, не проще ли отыскать его, идя по следу Шульца, чем заниматься поисками шестерых, которые скрываются под вымышленными именами и раскиданы по всей Солнечной системе? Или даже находятся за ее пределами?

Я обдумал это.

– Возможно. Но как мне найти след Шульца? Есть идеи, любовь моя?

– Ни одной. Но помню, что, когда я прибыла на станцию, в центральном модуле меня не только спросили, где я живу, и проверили данные по паспорту, но и стали выяснять, откуда я прилетела, и смотреть визовые штампы. Их интересовало не только то, что я прибыла с Луны – почти все прилетают сюда с Луны, – но и то, как я на Луне оказалась. Тебя об этом не спрашивали?

– Нет. Но у меня был паспорт Свободной Луны, где говорилось, что я являюсь ее уроженцем.

– Я думала, ты родился на Земле.

– Гвен, на шарике родился Колин Кэмпбелл. Ричард Эймс родился в Гонконге-Лунном – так тут написано.

– Ах вот как...

– Но пожалуй, действительно стоит поискать следы Шульца, прежде чем пытаться найти всех шестерых. Если бы я знал, что Шульц никогда не бывал дальше земной орбиты, я бы в первую очередь порылся вблизи – на Луне, шарике и всех орбитальных станциях в окрестностях Терры или Луны. Но не в Поясе астероидов, даже не на Марсе.

– Ричард? Что, если... Нет, это глупо.

– Что глупо, дорогая? Может, все-таки расскажешь?

– Ну предположим, что этот заговор, или как его назвать, направлен не против Рона Толливера или какого-нибудь другого Толливера, а против тебя и шестерых «друзей Уокера Эванса». Может, кто-то хочет, чтобы ты приложил все усилия для установления связи с остальными? Тогда заговорщики, кем бы они ни были, смогли бы добраться до всех семерых. Что, если это вендетта? Вдруг кто-то устроил вендетту против всех вас?

У меня засосало под ложечкой.

– Да, вполне возможно. Хотя нет, вряд ли. В этом случае непонятно, зачем убили Шульца.

– Я и говорю, что это глупо.

– Погоди... а его в самом деле убили?

– Мы же оба видели это, Ричард.

– Точно? Да, мне так показалось. Но надо признать, что это могло быть инсценировкой. То, что я видел, очень похоже на смерть от разрывной иглы. Но... Гвен, достаточно лишь двух простых приспособлений. Одно – для того, чтобы на рубашке Шульца появилось темное пятнышко. Второе – небольшой резиновый пузырь с фальшивой кровью, спрятанный за щекой. Он прокусывает пузырь в нужный момент, и изо рта течет «кровь». Дальше начинается спектакль... включая странное поведение Морриса и остального персонала. «Мертвеца» быстро уносят... за дверь с надписью «Только для персонала»... дают ему чистую рубашку и поспешно выпускают через служебный выход.

– Думаешь, все так и было?

– Гм... нет, черт побери! Гвен, я видел множество смертей, и он был от меня так близко, как ты сейчас. Вряд ли это была инсценировка. Думаю, я видел настоящую смерть.

Я злился на себя самого – неужели я мог так ошибиться? Конечно мог! Я вовсе не супер-гений, наделенный пси-способностями, и в качестве очевидца вполне мог ошибиться так же легко, как и Гвен.

– Гвен, – вздохнул я, – действительно я ничего не знаю. Для меня это выглядело как смерть от разрывной иглы... но если бы они хотели устроить спектакль и хорошо его подготовили, тогда, разумеется, все выглядело бы точно так же. По крайней мере, тогда понятно, почему персонал «Конца радуги» быстро убрал все следы. Иначе такое поведение выглядит невероятным. – Я снова задумался. – Любовь моя, я ни в чем не уверен. Может, кто-то попытается свести меня с ума?

Гвен восприняла мой вопрос как риторический, каким он и был – надеюсь, что был.

– Итак, что же мы будем делать?

– Гм... попробуем выяснить хоть что-то о Шульце. Насчет дальнейшего пока не беспокойся.

– И как же?

– Путем подкупа, любовь моя. С помощью лжи и денег. На первом можно не экономить, в отличие от второго – если только ты не богата. Мне как-то не пришло в голову спросить об этом до того, как я на тебе женился.

– Ты на мне женился? – Гвен широко раскрыла глаза. – Ричард, это я вышла за *тебя* замуж, ради *твоих* денег.

– Что, правда? Значит, тебя обманули. Хочешь встретиться с адвокатом?

– Пожалуй, да. Есть тут такое понятие, как «изнасилование по статутному праву»?⁸

– Нет, «статутное изнасилование» – это соитие со статуей... вообще-то, никогда не понимал, почему это должно кого-то волновать? Не думаю, что здесь это противозаконно. – Я снова повернулся к терминалу. – Так тебе нужен адвокат? Или поищем Шульца?

– Э-э-э... Ричард, у нас с тобой очень странный медовый месяц. Давай вернемся в постель.

– Постель может подождать. Но никто не мешает тебе съесть еще вафлю, пока я пытаюсь найти Шульца.

Снова вызвав справочник, я прокрутил его до фамилии «Шульц». Нашлось девятнадцать упоминаний, но ни одного Энрико Шульца, что, впрочем, не было удивительно. Однако обнаружился один Хендрик Шульц, и я нажал на клавишу, чтобы раскрыть детали:

«Преподобный доктор Хендрик Хадсон Шульц, BS, MA, DD, DHL, KGB⁹, бывший великий магистр Королевского астрологического общества. Научные гороскопы по умеренным ценам. Торжественные бракосочетания. Консультации по семейным вопросам. Эклектическая и холистическая терапия. Консультации по вложению капиталов. Прием ставок на выгодных условиях в любое время. Петтикоут-лейн, кольцо 95, возле „Мадам Помпадур“. Сверху красовалось его голографическое изображение. Доктор с улыбкой повторял: «Я – отец Шульц, готов всегда прийти на помощь. Для меня нет ни слишком больших, ни слишком мелких проблем. Полная гарантия».

Гарантия чего? Хендрик Шульц походил на Санта-Клауса без бороды и нисколько не походил на моего приятеля Энрико, так что я стер его с экрана, хоть и с неохотой, поскольку ощутил некоторое родство душ с преподобным доктором.

⁸ Изнасилованием по статутному праву считается связь с несовершеннолетним лицом. – Примеч. С. В. Голд.

⁹ BS – бакалавр естественных наук, MA – магистр гуманитарных наук, DD – доктор богословия, DHL – популярная служба доставки, KGB – не менее известный Комитет государственной безопасности. – Примеч. С. В. Голд.

– Гвен, его нет в справочнике – по крайней мере, под именем, которое стоит в удостоверении «Золотого правила». Значит ли это, что его никогда там не было? Или его имя удалили прошлой ночью, еще до того, как труп остыл?

– Ждешь ответа? Или просто размышляешь вслух?

– Пожалуй, ни то ни другое. Следующий шаг – запросить центральный модуль.

Найдя в справочнике номер, я позвонил в службу иммиграции, располагавшуюся в центральном модуле.

– Говорит доктор Ричард Эймс. Я ищу жителя по имени Энрико Шульц. Не могли бы вы дать мне его адрес?

– Почему бы вам не поискать в справочнике? – Голос звучал точь-в-точь как у моей учительницы в третьем классе, что отнюдь не является похвалой.

– В справочнике его нет. Он турист, а не абонент. Мне просто нужен его адрес в «Золотом правиле». Отель, пансионат – что угодно.

– Ну-ну. Вы же прекрасно знаете, что мы не сообщаем личную информацию, даже о чьих-либо координатах. Если его нет в списке, значит он честно за это заплатил. Поступайте с другими так, как хотите, чтобы поступали с вами, доктор. – С этими словами она отключилась.

– И где теперь будем спрашивать? – поинтересовалась Гвен.

– Там же, у той же офисной крысы, только с наличными и при личной встрече. Терминалы – это удобно... но не для взяток размером менее сотни тысяч. Чтобы слегка подмазать, куда практичнее явиться лично и с деньгами. Идешь со мной?

– Думаешь, тебе удастся от меня отделаться? В день нашего бракосочетания? Только попробуй, негодяй ты этакий!

– Может, наденешь что-нибудь на себя?

– Ты стыдишься, как я выгляжу?

– Вовсе нет. Идем.

– Сдаюсь. Погоди секунду, только найду туфли. Ричард, может, по пути заглянем ко мне? Вчера, на балете, я смотрелась очень шикарно, но вряд ли мое платье подходит для визита в учреждение в это время дня. Я хотела бы переодеться.

– Ваше желание – закон. Но у меня возникла вот такая мысль: не хочешь перебраться ко мне?

– А ты этого хочешь?

– Гвен, мой опыт говорит, что супруги могут жить на две кровати, но почти никогда – на две квартиры.

– Ты не ответил на мой вопрос.

– Ага, заметила все-таки. Гвен, у меня есть одна отвратительная привычка, из-за которой со мной тяжело жить. Я пишу.

Моя любимая озадаченно взглянула на меня:

– Ты уже говорил. Но почему «отвратительная»?

– Гм... Гвен, дорогая, я не собираюсь извиняться за свое писательство... как и за свою недостающую ногу... по правде говоря, одно привело к другому. Когда я распрощался с профессией военного, мне нужно было что-то есть. Ничему другому я не учился, а дома вместо меня уже разносил газеты другой парень. Но писательство – законный способ не работать, не занимаясь при этом воровством, к тому же для него не нужны ни талант, ни знания.

Однако оно делает человека малообщительным, поскольку требует одиночества, как мастурбация. Стоит потревожить писателя, когда он пребывает в муках творчества, и он, скорее всего, повернется и прокусит тебе руку до кости... не отдавая себе в этом отчета. Об этом, к своему ужасу, зачастую узнают мужья и жены писателей.

И еще – слушай внимательно, Гвен! – писателя невозможно приручить, привить ему цивилизованные манеры. Или хотя бы вылечить. Если в доме живет больше одного человека,

включая писателя, единственное известное науке решение – предоставить пациенту изолированное помещение, где он может находиться в периоды обострения, и подавать ему еду на палке. Потому что если побеспокоить его в такие моменты, он может разразиться рыданиями или прийти в ярость. Порой он вообще никого не слышит, пребывая в таком состоянии, а если потрясти его – укусит. – Я изобразил лучшую из своих улыбок. – Не волнуйся, любовь моя. Прямо сейчас я ничего не пишу и не собираюсь начинать, пока мы не выделим изолированное помещение для моей работы. Здесь слишком мало места, как и у тебя. Гм... пожалуй, еще до того, как мы отправимся в центр, я позвоню в Управление и узнаю, есть ли жилые модули побольше. Нам также понадобятся два терминала.

– Зачем два, дорогой? Я не особо пользуюсь терминалом.

– Но когда пользуешься, он тебе нужен. А если этот терминал работает в режиме текстового редактора, его нельзя использовать для другого – ни газет, ни почты, ни покупок, ни программ, ни личных звонков, вообще ничего. Поверь мне, дорогая, я страдаю этой болезнью уже много лет и знаю, как с ней справляться. Дайте мне комнатку с терминалом, где можно запереться, и я ничем не стану отличаться от обычного здорового мужа, который каждое утро уходит на работу и занимается там всем, что положено делать на работе. Не знаю, правда, чем: я никогда особо не интересовался этим.

– Да, дорогой. Ричард, тебе нравится писать?

– Писать никому не нравится.

– Ясно. В таком случае признаюсь, что не сказала всей правды, заявив, будто вышла за тебя ради твоих денег.

– А я не слишком тебе доверил. Мы квиты.

– Да, дорогой. Я в состоянии содержать тебя как домашнего питомца. Нет, яхты тебе я, конечно, не куплю, но мы можем вполне комфортно жить в «Золотом правиле» – не самом дешевом месте в Солнечной системе. И писать тебе не придется.

Я одарил ее долгим нежным поцелуем:

– Рад, что я на тебе женился. Но на самом деле я не могу не писать.

– Но тебе же это не нравится, а деньги нам не нужны. Нет, правда, не нужны!

– Спасибо, любовь моя. Но я еще не сказал о другом коварном свойстве писательства. От него невозможно отказаться. Писатели продолжают писать даже после того, как в этом отпадает финансовая необходимость... поскольку, когда пишешь, страдаешь намного меньше, чем когда не пишешь.

– Не понимаю.

– Я тоже не понимал, пока не сделал первого рокового шага – это был всего лишь короткий рассказ, и я искренне полагал, что могу его бросить в любой момент. Не важно, дорогая. Лет через десять поймешь сама. Просто не обращай внимания на мое нытье. Оно ничего не значит – всего лишь болезненная привычка, от которой нельзя избавиться.

– О, Ричард, а если обратиться к психоаналитику?

– Не хочу рисковать. Я знал писателя, который попробовал этот способ. Да, его излечили от писательства, но не от потребности писать. Последний раз, когда я его видел, он сидел на корточках в углу и весь дрожал – считалось, что он находится в спокойном состоянии. Но один лишь вид текстового редактора вызывал у него припадок.

– Э-э-э... Это опять твоя склонность к легкому преувеличению?

– Да что ты, Гвен! Могу сводить тебя к нему – показать его могилу. Не важно, дорогая. Сейчас позвоню в Управление, в отдел размещения.

Я повернулся к терминалу, и в то же мгновение он вспыхнул, словно рождественская елка, издавая тревожный звон. Я нажал клавишу ответа.

– Эймс слушает! У нас пробоина?

Помимо голоса, по экрану побежали буквы, а принтер начал печатать без моей команды – ненавижу, когда он так делает.

– Официальное сообщение для доктора Ричарда Эймса. Ввиду срочной необходимости Управление предлагает незамедлительно освободить занимаемый вами жилой модуль семьсот пятнадцать тысяч триста один по адресу шестьдесят пять-пятнадцать-ноль четыре. Арендная плата будет перечислена на ваш счет вместе с необлагаемым бонусом в размере пятидесяти крон за доставленные неудобства. Распоряжение подписано Артуром Мидлгеффом, заместителем Управляющего по вопросам размещения. Приятного дня!

4

Я продолжаю работать по той же причине, по которой курица продолжает нести яйца.

Генри Луис Менкен¹⁰ (1880–1956)

Я вытаращил глаза.

– Ох какие пусечки! Целых пятьдесят крон – ну и ну! Гвен! Теперь можешь выйти за меня замуж ради моих денег!

– Ты в своем уме, дорогой? Вчера ты заплатил больше за бутылку вина. По-моему, это свинство с их стороны. Оскорбление в чистом виде.

– Конечно, дорогая. Им хочется разозлить меня, ну и, конечно, доставить неудобства, связанные с переездом. Но у них ничего не выйдет.

– Ты не будешь переезжать?

– Нет-нет. Тотчас же перееду. Есть разные способы бороться с властями, но отказ переезжать к ним не относится – пока заместитель Управляющего может отключить электричество, вентиляцию, воду и канализацию. Нет, дорогая, они намерены разозлить меня, чтобы я перестал трезво мыслить и начал угрожать им, хотя все угрозы окажутся пустыми. – Я улыбнулся своей любимой. – Так что я не стану злиться и сразу же выеду, покорный, как ягненок... а злость моя останется внутри, невидимая для других, пока она не сможет приносить пользу. К тому же это ничего не меняет, ведь я все равно собирался просить модуль побольше для нас двоих. Хотя бы с одной дополнительной комнатой. Сейчас перезвоню ему – в смысле, уважаемому господину Мидлгеффу.

Я снова вызвал справочник, не помня номера отдела по размещению, и нажал клавишу «ввод». На экране появилась надпись:

ТЕРМИНАЛ НЕ ОБСЛУЖИВАЕТСЯ

Я уставился на него, считая от десяти до одного на санскрите. Уважаемый господин Мидлгефф, или сам Управляющий, или кто-то еще из всех сил пытался вывести меня из себя, чего я никак не мог допустить. Я старался думать спокойно, не спеша, словно факир, лежащий на доске с гвоздями. Хотя, пожалуй, я с удовольствием представил бы себе поджаренные на обед яйца виновника случившегося, если бы узнал его имя. С соевым соусом? Или в чесночном масле с щепоткой соли?

Размышления на кулинарную тему слегка успокоили меня. Поэтому я несколько не удивился и не ощутил особой досады, когда надпись «ТЕРМИНАЛ НЕ ОБСЛУЖИВАЕТСЯ» сменилась другой – «ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЕ И ЗАВИСИМЫЕ ОТ НЕГО СЛУЖБЫ БУДУТ ОТКЛЮЧЕНЫ В 13:00». Затем надпись сменили часы с крупными цифрами «12:31», на моих глазах превратившимися в «12:32».

– Ричард, что они творят, черт побери?

– Полагаю, все еще пытаются вывести меня из себя. Но мы им этого не позволим. Лучше потратим двадцать восемь минут – нет, двадцать семь – на то, чтобы избавиться от накопившегося за пять лет хлама.

– Есть, сэр. Чем могу помочь?

– Умная девочка! Вываливай все из этого шкафчика и большого в спальне на эту кровать. В большом шкафу, на полке, лежит большая дорожная сумка. Пихай все туда, и как можно

¹⁰ Генри Луис Менкен – один из самых влиятельных американских журналистов и критиков начала XX века. На русский язык переводился мало и бессистемно. – Примеч. С. В. Голд.

плотнее. Ничего не сортируй. Возьми халат, в котором завтракала, сделай из него узел и засунь туда все, что не поместится в сумку, а потом завяжи поясом.

– А твои туалетные принадлежности?

– Ах да! В кладовой есть автомат с пластиковыми пакетами, возьми один – просто кинь их туда и сунь пакет в тот же узел. Милая, из тебя получится чудесная жена!

– Ты совершенно прав. У меня долгая практика, дорогой, – из вдов всегда получаются лучшие жены. Рассказать тебе про моих мужей?

– Да, но не сейчас. Прибереги для какого-нибудь долгого вечера, когда у тебя будет болеть голова, а я слишком устану.

Свалив девяносто процентов работы на Гвен, я занялся остальными десятью, самыми трудными, – своими деловыми записями и файлами.

Писатели, как правило, те еще барахольщики, тогда как профессиональные военные учатся путешествовать налегке – опять же, как правило. От подобной двойственности впору было стать шизофреником, если бы не лучшее изобретение для писателей со времен карандаша с резинкой: электронные файлы.

Я пользуюсь мегадисками «Сони», диаметром в два сантиметра и толщиной в три миллиметра, объемом в полмиллиона слов. Информация упакована так плотно, что даже трудно представить. Сев за терминал, я снял протез (или, если угодно, искусственную ногу) и открыл его верх. Затем извлек из селектора терминала все диски памяти, вложил их в цилиндр, являющийся «берцовой костью» протеза, закрыл его и снова надел.

Теперь при мне находились все файлы, необходимые для моего бизнеса, – контракты, деловые письма, копии моих работ, защищенных авторским правом, общая переписка, заметки для будущих рассказов, налоговые выписки и так далее, *et cetera, ad pauseam*¹¹. В прежнюю, доэлектронную эпоху эти записи потребовали бы полторы тонны бумаги и полтонны стали для хранилища объемом в несколько кубометров. Теперь же они весили несколько граммов и занимали столько же места, сколько мой средний палец, – двадцать миллионов слов в заархивированных файлах.

«Кость», в которой лежали диски, надежно защищала их от кражи, потери и повреждений. Кто стал бы воровать чужой протез? Как может инвалид забыть свою искусственную ногу? Допустим, он снимает ее на ночь, но утром, вставая с постели, первым делом тянется за ней.

Даже грабители не обращают внимания на протезы. Что касается моего, то большинство людей вообще не догадывались о нем. Я расставался с ним лишь однажды – мой коллега (не друг) забрал протез, заперев меня на ночь после того, как мы разошлись во мнениях по одному деловому вопросу. Но я сумел выбраться, прыгая на одной ноге, настучал ему по башке каминной кочергой, взял свою ногу вместе с кое-какими бумагами и ушел. Будни писателя – это, как правило, сидячая работа, но порой жизнь их разнообразит.

Когда часы на терминале показывали 12:54, мы уже почти закончили сборы. Книг – переплетенных и отпечатанных на бумаге – у меня было немного: все необходимые мне данные я добывал из терминала. Гвен сунула книги в узел, сделанный из моего халата.

– Что еще? – спросила она.

– Пожалуй, все. Сейчас осмотрюсь по-быстрому. Если мы что-то упустили, вынесем в коридор, а потом решим, что с этим делать, после того как отключат свет.

– Как насчет этого деревца-бонсай? – поинтересовалась Гвен, глядя на мой сахарный клен, лет восьмидесяти от роду, высотой всего тридцать девять сантиметров.

– Его никак не упакуешь, дорогая. К тому же его нужно поливать несколько раз в день. Самое разумное – оставить его следующему жильцу.

– Хрен тебе, шеф. Понесешь его на руках ко мне, а я поволоку остальной багаж.

¹¹ И так далее, до тошноты (*лат.*).

Вообще-то, я собирался добавить, что это «самое разумное» мне тоже не по душе.

– Мы что, идем к тебе?

– А куда еще, дорогой? Нам, конечно, нужно жилье побольше, но сейчас сгодится любая крыша над головой. Судя по всему, к вечеру выпадет снег.

– Что ж, значит, так тому и быть! Гвен, напомни, чтобы я сказал тебе, как я рад, что решил жениться на тебе.

– Ничего подобного. Мужчинам это никогда не приходит в голову.

– Серьезно?

– Истинная правда. Но я все равно напомню.

– Напомни. Я рад, что ты решила выйти за меня. И рад, что ты вышла за меня. Обещаешь проследить за тем, чтобы я больше не делал ничего разумного?

Пообещать она не успела – свет дважды мигнул, и у нас внезапно появилась куча дел. Гвен выносила все в коридор, пока я в последний раз лихорадочно озирался вокруг. Свет снова мигнул, я схватил трость и выскочил наружу за мгновение до того, как дверь захлопнулась за мной.

– Ух!

– Спокойно, босс. Дыши медленнее. Сосчитай до десяти и не спеша выдохни, – посоветовала Гвен и похлопала меня по спине.

– Надо было нам поехать на Ниагарский водопад. Я тебе говорил. Говорил.

– Да, Ричард. Бери деревце. При здешней силе тяжести я могу нести и сумку, и узел: сумка в одной руке, узел – в другой. Прямо наверх, в зону невесомости?

– Да, но я понесу сумку и дерево. Трость привяжу к сумке.

– Не строй из себя мачо, Ричард. У нас нет времени.

– «Мачо» звучит унижительно, Гвен. Еще раз так скажешь, и я тебя отшлепаю, а в третий раз поколочу вот этой тростью. Черт поberi, я могу быть мачо, когда мне хочется.

– Да, сэр. Я Джейн, ты Тарзан. Возьми дерево. Пожалуйста.

В конце концов, мы пришли к компромиссу. Я нес сумку, опираясь на трость, а Гвен держала узел в одной руке и клен-бонсай в другой. Узел, естественно, перевешивал, и ей приходилось то и дело менять руки. Должен признать, что предложенный Гвен вариант выглядел разумнее – при здешней силе тяжести вес поклажи был не так уж велик, к тому же он постепенно уменьшался по мере подъема к зоне невесомости. Я испытывал легкое чувство стыда... но калеке всегда хочется доказать, особенно женщинам, что он способен на что угодно. Глупо – ведь все понимают, что это не так. Вообще-то, я редко поддаюсь этому искушению.

Оказавшись в невесомости возле оси, мы двинулись вдоль нее, буксируя за собой багаж: я – сумку, Гвен узел и деревце. Когда мы добрались до ее кольца, она забрала у меня сумку, против чего я не стал возражать. Путешествие заняло менее получаса. Я мог заказать грузовую кабину, но, возможно, ее пришлось бы ждать до сих пор. «Экономящее усилия приспособление» зачастую не экономит ничего. Поставив свою ношу, Гвен обратилась к двери.

Дверь не открылась.

– Госпожа Новак, – послышалось в ответ, – прошу немедленно связаться с отделом по размещению Управления. Ближайший общественный терминал находится на кольце сто пять, радиус сто тридцать пять градусов, сила тяжести шесть десятых, возле транспортера для персонала. Вызов через данный терминал будет для вас бесплатным, за счет «Золотого правила».

Не могу сказать, что я сильно удивился, но признаюсь: разочарование мое не знало границ. Быть бездомным – примерно то же самое, что голодать. Может, даже хуже.

Гвен повела себя так, будто вообще не расслышала зловещего объявления.

– Сядь на сумку, Ричард, – сказала она мне, – и расслабься. Вряд ли это надолго.

Порывшись в сумочке, она достала пилочку для ногтей и кусок проволоки – думаю, это была скрепка для бумаг. Монотонно напевая себе под нос, она начала возиться с дверью. Я

помог ей тем, что не давал никаких советов – ни единого слова. Мне было трудно, но я справился. Наконец Гвен перестала напевать и выпрямилась.

– Есть! – объявила она. Дверь широко распахнулась. Гвен подняла с пола мой клен-бонсай – наш клен-бонсай. – Входи, дорогой. Сумку пока поставь на пороге, чтобы дверь не захлопнулась. Внутри темно.

Я последовал за ней. В помещении было темно, светился только экран терминала с надписью:

ОБСЛУЖИВАНИЕ ПРИОСТАНОВЛЕНО

Не обращая на него внимания, Гвен снова полезла в сумочку, достала пальчиковый фонарик, порылась в ящике внутри кладовки, вынула длинную тонкую отвертку, пару пинцетов «Автолок», безымянный – возможно, самодельный – инструмент и пару защитных перчаток, пришедшихся ей впору.

– Ричард, не поддержишь фонарик?

Щиток, до которого она хотела добраться, находился высоко над микроволновой плитой. Он был заперт и украшен обычными знаками, запрещающими жильцам не то чтобы прикоснуться – даже косо взглянуть на него, и заклинаниями вроде «Опасно! Не открывать – вызвать ремонтную службу» и т. п. Забравшись наверх, Гвен уселась на плиту и, едва коснувшись щитка, открыла его – видимо, замок вышел из строя еще раньше.

Она принялась копать в нем, почти беззвучно, если не считать уже знакомого монотонного напева и периодических просьб направить луч фонарика в другое место. В какой-то момент она устроила довольно впечатляющий фейерверк и укоризненно пробормотала: «Фу, нехороший! Нельзя так поступать с Гвен». После этого ее движения стали более плавными. Затем вспыхнул свет, сопровождавшийся обычным для жилых модулей тихим гудением – заработали микродвигатели, система подачи воздуха и так далее.

Гвен закрыла щиток:

– Поможешь мне спуститься, дорогой?

Я опустил ее обеими руками на пол и крепко обнял, за что был награжден поцелуем.

– Спасибо, сэр! – улыбнулась она. – Уже забыла, как это приятно – быть замужем. Нам стоит почаще жениться.

– Что, прямо сейчас?

– Нет. Сейчас – обед. Завтрак был отменным, но сейчас четырнадцать с лишним. Хочешь есть?

– Неплохо бы, – согласился я. – Как насчет сэндвич-бара «Ленивый Джо» на Аппиевой дороге, возле сто пятого кольца? Или ты предпочитаешь высокую кухню?

– «Ленивый Джо» вполне сойдет – я не настолько привередлива, дорогой. Но не стоит выходить наружу: что, если мы не попадем обратно?

– Почему? Ты так легко разобралась с дверным замком.

– Ричард, во второй раз все может оказаться сложнее. Сейчас они просто не заметили, что блокировка не сработала. Но когда заметят, могут приварить к ней стальную плиту. Впрочем, это вряд ли понадобится – я вовсе не против переселения, как и ты. Давай пообедаем, а потом я соберу вещи. Что приготовить?

Выяснилось, что Гвен прихватила из моей кладовой кое-какие деликатесы – замороженные или в стерильной упаковке. Я люблю держать про запас необычную провизию: вдруг посреди ночи, пока ты корпишь над рассказом, тебе зверски захочется съесть мороженого с моллюсками? Заранее никогда не знаешь. Имеет смысл держать нужные ингредиенты под рукой, иначе может возникнуть искушение бросить работу и нарушить свое уединение, чтобы поискать их, а это грозит банкротством.

Гвен соорудила шведский стол из своих и моих – вернее, наших – припасов, и мы пообедали, обсуждая за едой наш следующий ход... ход, без которого было не обойтись. Я сказал, что намерен позвонить уважаемому господину Мидлгеффу, как только мы завершим трапезу. Гвен задумчиво посмотрела на меня.

– Давай я сперва соберусь.

– Как хочешь. Но почему?

– Ричард, мы стали прокаженными, это же очевидно. Думаю, это как-то связано с убийством Шульца, но точно сказать нельзя. В любом случае, когда мы высунем отсюда нос, лучше, чтобы мои вещи были уже собраны, как и твои. Может быть, мы уже не вернемся сюда. – Она кивнула в сторону светящегося терминала, на котором все еще светилось сообщение: «ОБСЛУЖИВАНИЕ ПРИОСТАНОВЛЕНО». – Чтобы он снова заработал, недостаточно подкрутить пару соленоидов, ведь сам компьютер стоит в другом месте. Отсюда мы не сможем бросить вызов Мидлгеффу. А значит, нужно покончить со всеми делами, прежде чем выйти за дверь.

– Пока ты собираешься, я могу выскочить наружу и позвонить ему.

– Только через мой труп.

– Что? Гвен, будь благоразумна.

– Я такая благоразумная, что дальше некуда. Колин Ричард, ты мой новоиспеченный муж, и я рассчитываю, что тебя хватит на многие годы. Поэтому, пока наши проблемы не закончились, я не выпущу тебя из виду. Ты можешь исчезнуть, как Шулец. Любимый, если они решат тебя застрелить, им придется сперва застрелить меня. – Я попытался урезонить Гвен, но она закрыла уши ладонями. – Не собираюсь с тобой спорить. Я тебя не слышу, я тебя не слышу! – Она убрала ладони. – Помоги мне собрать вещи, пожалуйста.

– Да, дорогая.

Гвен собралась быстрее, чем это сделал я у себя в модуле, хотя я помогал ей в основном тем, что не путался у нее под ногами. Я не слишком привык жить с женщинами. Военная служба не благоприятствует домашней жизни, и я стремился избежать женитьбы, не считая краткосрочных контактов с подругами-амазонками, автоматически прекращавшихся с получением приказа о переводе в другое место. Когда я выбился в старшие офицеры, у меня парочку раз – а может, и шесть – были женщины-ординарцы, но я не думаю, что наши отношения походили на брак, принятый у гражданских.

Суть в том, что я написал множество романтических историй под сотней с лишним женских псевдонимов, но мало что знаю о женщинах. Когда я только учился литературному надувательству, я сказал об этом редактору, который покупал у меня рассказы о грехе, страданиях и покаянии. Редактор, Ивлин Фингерхат, был мрачным мужчиной средних лет с лысиной, нервным тиком и неизменной сигарой в зубах.

– Не пытайся что-нибудь узнавать о бабах, – буркнул он. – Только хуже себе сделаешь.

– Но ведь рассказы должны выглядеть правдиво, – возразил я.

– Они и есть правдивые. Каждый сопровождается клятвенным заверением: «Основано на реальных фактах». – Он ткнул пальцем в принесенную мной рукопись. – Ты прикрепил к ней листок с надписью «Факт». Значит, это неправда? Ты не хочешь, чтобы тебе заплатили?

Конечно, я хотел, чтобы мне заплатили. Лучшим образцом прозы для меня является простая изящная фраза: «На ваш счет поступило...»

– Собственно, с этим рассказом проблем нет, – поспешно ответил я. – С той женщиной я не знаком, но мне рассказывала о ней мать – они вместе учились в школе. Девушка действительно вышла замуж за младшего брата собственной матери. Она была уже беременна, когда выяснилась правда... и перед ней возникла чудовищная дилемма, которую я и описал: либо совершить грех аборта, либо родить ребенка, у которого из-за кровосмешения, возможно, будет две головы и не будет подбородка. Все это факты, Ивлин, но я слегка их приукрасил.

Оказалось, что Бет-Лу не была кровной родственницей своего дяди, как я написал, но и ребенок был не от мужа. Это я опустил.

– Тогда переделай все заново и оставь это, а то, другое, убери. И не забудь поменять имена и место действия – мне не нужны жалобы.

Чуть позже я так и сделал, продав Фингерхату и эту версию. Но он так никогда и не узнал, что все это вовсе не случилось со школьной подругой моей матери, а было содрано из книги, взятой у моей тети Эбби, – либретто «Кольца Нибелунгов» Рихарда Вагнера. Ему надо было заняться только музыкой и найти себе кого-нибудь вроде Уильяма Гилберта¹², чтобы тот писал для него либретто. Писателем Вагнер был просто ужасным.

Однако его нелепые сюжеты отлично годились на роль «реальных историй из жизни» – немного смягчить тональность, убрать жесткие моменты и, естественно, поменять имена героев и названия мест. Я вовсе не воровал сюжеты, или почти не воровал. Все они находятся в общественном достоянии, срок действия авторских прав истек, а самое главное, эти сюжеты Вагнер сам у кого-то стащил.

Я мог неплохо жить, обходясь одними вагнеровскими сюжетами, но они мне наскучили. Когда Фингерхат ушел на пенсию, купил ранчо и стал разводить индеек, я оставил «истории из жизни» и начал писать рассказы о войне, что оказалось несколько сложнее. Какое-то время я жил почти впроголодь. Все-таки в военном деле я немного разбираюсь, а от этого, по словам Фингерхата, может быть только хуже.

Вскоре я научился скрывать собственные познания, не давая им вмешиваться в сюжет. Но с «историями из жизни» у меня таких проблем не возникало, поскольку ни Фингерхат, ни я, ни Вагнер ничего, совсем ничего не знали о женщинах.

И особенно – о Гвен. Отчего-то я был убежден, что женщинам для путешествия требуется не меньше семи выючных мулов. Или их эквивалент в виде больших чемоданов. И конечно, что женщины – по своей природе существа неорганизованные. Так я считал.

Гвен уложила в один большой чемодан – меньше, чем мой вещевой мешок, – с аккуратно сложенной одеждой, и второй, полегче, с... в общем, не с одеждой. С другими вещами. Выстроив в ряд наши пожитки – сумку, узел, большой чемодан, чемодан поменьше, ее сумочку, мою трость, деревце-бонсай, – она задумчиво посмотрела на них.

– Сейчас придумаю, как все это дотащить, – сказала она.

– Не понимаю как. У нас всего четыре руки, – возразил я. – Закажу лучше грузовую кабину.

– Как хочешь, Ричард.

– Сейчас. – Я повернулся к терминалу... и замер. – Гм...

Гвен не сводила взгляда с нашего маленького клена.

– Гм... – повторил я. – Гвен, придется тебе смириться. Я добегу до ближайшей будки с терминалом и тут же вернусь.

– Нет, Ричард.

– Но почему? Я только...

– Нет, Ричард.

– И что ты предлагаешь? – спросил я, испустив тяжкий вздох.

– Ричард, я готова на все, но только если мы не станем разлучаться. Оставим вещи внутри и будем надеяться, что снова попадем туда. Либо выставим все за дверь и пойдем заказывать грузовую кабину. И звонить мистеру Мидлгеффу.

– А когда вернемся, тут ничего не останется. Или в этих краях не водятся двуногие крысы?

¹² Уильям Гилберт (1836–1911) – британский драматург, либреттист, поэт и иллюстратор.

Это был всего лишь сарказм – на любой орбитальной станции есть невидимые обитатели, которые не могут себе позволить оставаться в космосе, но и не хотят, чтобы их вернули на Землю. Подозреваю, что в «Золотом правиле» тех, кого удастся поймать, просто вышвыривают за борт... хотя до меня доходили и более мрачные слухи, из-за которых я перестал употреблять свиной фарш в любом виде.

– Есть и третий вариант, который позволит нам добраться до той будки. Дальше все равно не уйти, пока отдел по размещению не выделит новое жилье. Узнав наш новый адрес, мы сможем вызвать кабину и дождаться ее. До будки недалеко. Раньше ты говорил, что можешь нести и свою сумку, и узел, привязав трость к сумке. Расстояние небольшое, так что я не против. Я понесу свои чемоданы, по одному в каждой руке, а сумочку повешу на плечо. Остается деревце. Ричард, ты видел в «Нэшнл джиогрэфик» фотографии туземок, которые носят тюки на голове?

Не дожидаясь моего ответа, она подняла горшок с деревцем, поставила его на макушку, убрала руки, улыбнулась мне, а затем, держась прямо, согнула колени и подняла оба чемодана.

Пройдясь от стены до стены, она повернулась ко мне. Я заплодировал.

– Спасибо, сэр. Еще кое-что: в коридорах бывает людно. Если меня толкнут, я сделаю так. – Гвен пошатнулась, словно от толчка, выронила оба чемодана, поймала падающее деревце, вновь поставила его на макушку и подхватила багаж. – Примерно так.

– А я брошу свои сумки, схвачу трость и как следует поколочу его, того придурка, который тебя толкнул. Не насмерть, просто в назидание. Если, конечно, это совершеннолетний мужчина, – добавил я. – Если нет, наказание будет соответствовать полу и возрасту.

– Не сомневаюсь, дорогой. Но если честно, вряд ли меня станут толкать, ведь ты будешь прокладывать мне путь. Ладно?

– Ладно. Но тебе не мешало бы раздеться до пояса.

– Что, серьезно?

– На фото в «Нэшнл джиогрэфик» женщины всегда обнажены по пояс. Поэтому их туда и ставят.

– Хорошо, как скажешь. Правда, у меня не слишком подходящая фигура.

– Хватит нарываться на комплименты, обезьянка. Все у тебя как надо и где надо. Но ты и впрямь чересчур хороша для простого народа, так что рубашку оставь.

– Мне все равно. Если ты и в самом деле так считаешь...

– Что-то ты слишком сговорчива. Поступай как хочешь, но я тебя совсем не принуждаю, слышишь, совсем. Неужели все женщины – эксгибиционистки?

– Да.

Дискуссию завершил звонок в дверь. Гвен удивленно посмотрела на меня.

– Дай мне, – сказал я и, шагнув к двери, коснулся кнопки включения микрофона. – Да?

– Сообщение от Управляющего!

Убрав палец с кнопки, я взглянул на Гвен.

– Открыть?

– Думаю, придется.

Я нажал на кнопку открывания двери, и та распахнулась. Вошел мужчина в форме проктора. Дверь закрылась за ним. Он протянул мне планшетку с листом бумаги.

– Распишитесь здесь, сенатор. – Он забрал листок. – Вы ведь сенатор из «Стандард ойл»?

5

Он один из тех, кого смерть делает намного лучше.
Гектор Хью Манро¹³ (1870–1916)

– Давайте-ка наоборот, – сказал я. – Кто *вы* такой? Представьтесь.

– Э-э? Если вы не сенатор, не берите в голову. Ошибся адресом.

Незнакомец попятился, ткнулся задницей в дверь, удивленно обернулся и потянулся к кнопке, но я ударил его по руке.

– Я просил вас представиться. Ваш клоунский костюм ничего не значит. Мне нужны ваши документы. Гвен, прикрой меня!

– Есть, сенатор!

Незнакомец полез в карман брюк и быстро вытащил оттуда какой-то предмет, который Гвен тут же пинком выбила из его руки. Я ударил его ребром ладони по левой стороне шеи. Планшетка с бумагой отлетела в сторону, а ее обладатель со странным изяществом, которое придает людям низкая сила тяжести, повалился на пол. Я присел рядом с ним.

– Продолжай меня прикрывать, Гвен.

– Одну секунду, сенатор. Следи за ним! – (Я отодвинулся и немного подождал.) – Все, теперь нормально. Только не попади под мой выстрел.

– Принято.

Я не сводил взгляда с нашего гостя, безвольно лежащего на полу. Судя по неуклюжей позе, он потерял сознание, но, возможно, все же прикидывался – не так уж сильно я его ударил. Приложив большой палец к болевой точке в левой нижней части затылка, я с силой надавил на нее. Будь этот человек в сознании, он тут же заорал бы и подпрыгнул до потолка. Но он не пошевелился.

Тогда я его обыскал. Сначала задние карманы, потом перевернул. Брюки не вполне соответствовали кителю, и на них не хватало галуна, который есть на форменных брюках прокторов. Китель явно был сшит не по мерке. В карманах нашлись бумажные кроны, лотерейный билет и пять патронов «шкода» калибра шесть с половиной миллиметра, с разрывными безоболочными пулями, которые подходят для пистолетов, автоматов и винтовок и запрещены к применению почти везде. Ни бумажника, ни удостоверения – ничего.

Еще ему явно не помешало бы помыться.

– Держи его под прицелом, Гвен, – сказал я, поднимаясь на ноги. – Думаю, он из ночных бродяг.

– Мне тоже так кажется. Взгляни-ка на это, пока я держу его на мушке. – Гвен показала на пистолет, лежавший на полу.

«Пистолет» – слишком громкое название для этой штуки: скорее самоделка, известная как «самопал». Я осмотрел оружие как можно тщательнее, не дотрагиваясь до него. Ствол представлял собой металлическую трубку с такими тонкими стенками, что я засомневался, стреляли ли из него хоть раз. Пластиковая рукоятка была обточена или обстругана так, чтобы помещаться в кулак. Спусковой механизм скрывался под металлической крышкой, которую удерживали на месте – хотите верьте, хотите нет – обычные резинки. Оружие явно было однозарядным, но из-за хлипкого ствола вполне могло стать одноразовым. Похоже, для стрелка оно было не менее опасно, чем для цели.

– Мерзкая штучка, – сказал я. – Даже прикасаться к ней не хочу. Ничем не лучше миныловушки.

¹³ Гектор Хью Манро – английский писатель и журналист, более известный под псевдонимом Саки. – Примеч. С. В. Голд.

Я посмотрел на Гвен. Она целилась в незнакомца из оружия, столь же смертоносного, но при этом вобравшего в себя лучшие современные достижения, – девятизарядного «мияко».

– Почему ты не выстрелила, когда он вытащил свой самострел? Почему ты рисковала, пытаясь его разоружить? Ты же могла погибнуть!

– Потому что.

– Как это «потому что»? Если человек стоит перед тобой и вдруг выхватывает пистолет, убивай его на месте. По возможности.

– Я не могла. Когда ты велел мне прикрыть тебя, моя сумочка лежала вон там. Я прикрывала тебя вот этим. – В другой руке Гвен что-то блеснуло, и мне показалось, будто она собирается стрелять из двух стволов, но это оказалась всего лишь авторучка, которую она снова убрала в нагрудный карман. – Меня застигли врасплох, босс. Извини.

– Как я мог так ошибиться! Когда я попросил прикрыть меня, я просто пытался его отвлечь. Я не знал, что у тебя есть оружие.

– Я же сказала: «Извини». Как только я добралась до сумочки, я тут же извлекла из нее убедительный аргумент. Но сначала нужно было разоружить нашего приятеля.

Я вдруг представил, на что способен полевой командир с тысячей таких солдат, как Гвен. Она весит около пятидесяти килограммов, а ростом немногим выше полутора метров – примерно метр шестьдесят без обуви. Но размер не имеет значения, в чем давным-давно убедился Голиаф. Правда, если подумать, вряд ли где-то найдется тысяча Гвен, и это, возможно, к лучшему.

– Вчера вечером у тебя в сумочке тоже лежал «мияко»?

Гвен ответила не сразу:

– Если бы он там был, все могло бы закончиться печально. Тебе так не кажется?

– Вопрос снимается. Похоже, наш друг приходит в себя. Держи его на мушке, пока я выясняю подробности.

Я снова ткнул незнакомца большим пальцем, и тот взвизгнул.

– Сядь, – сказал я. – Не пытайся встать. Просто сядь и положи руки на затылок. Как тебя зовут?

Он сделал мне невыносимое и непристойное предложение.

– Ну-ну, – упрекнул я его. – Без грубостей. Госпожа Хардести¹⁴, – я посмотрел прямо на Гвен, – не могли бы вы слегка подстрелить его? Небольшого ранения вполне хватит, чтобы научить его вежливости.

– Как скажете, сенатор. Прямо сейчас?

– Ладно... простим ему одну ошибку. Но второго шанса не будет. Постарайтесь не убить его – он должен заговорить. Можете попасть ему в мягкую часть бедра? Так, чтобы не задеть кость?

– Попробую.

– О большем я и не прошу. Если попадете в кость, он будет знать, что это вовсе не со зла. Итак, начнем. Как тебя зовут?

– Э... Билл.

– Билл, а дальше?

– Просто Билл. Больше ничего.

– Может, ранить его, сенатор? – спросила Гвен. – Чтобы освежить память?

– Пожалуй. Куда хочешь, Билл? В левую ногу? Или в правую?

¹⁴ *Госпожа Хардести* (Mistress Hardesty). – Конечно, Хардести – обычная фамилия (см., например, рассказ Р. Э. Хайнлайна «Угроза с Земли», где героя зовут Джефф Хардести), но более вероятно, что здесь это производное от «hardest»: госпожа Жестокость. – *Примеч. С. В. Голд.*

– Ни в какую! Послушайте, сенатор, меня и вправду зовут просто Билл. И пусть она уберет от меня эту штуку, ну пожалуйста!

– Держите его под прицелом, госпожа Хардести. Билл, она не станет в тебя стрелять, если ты не будешь упрямиться. Что стряслось с твоей фамилией?

– У меня ее никогда не было. В приюте Святого Имени меня звали «Билл номер шесть». Это на шарике, в Новом Орлеане.

– Ясно. Кажется, я начинаю понимать. Но что стояло в твоём паспорте, когда ты сюда прилетел?

– У меня его не было, только рабочая карточка. Там написано «Уильям – среднее имя отсутствует – Джонсон». Но это выдумал вербовщик. Эй, она опять на меня пушку наставила!

– Тогда не делай ничего, что может ее раздражать. Сам знаешь, каковы женщины.

– Еще бы! Им вообще нельзя давать огнестрельное оружие!

– Интересная мысль. Кстати, о твоём оружии: мне хотелось бы его разрядить, но я боюсь, что оно взорвется у меня в руке. Рискнем твоей рукой. Не вставая, повернись спиной к госпоже Хардести. Я подтолкну твой пугач, чтобы ты до него дотянулся. Когда я разрешу – но не раньше! – можешь опустить руки и разрядить его, а затем снова положи руки за голову. И внимательно выслушай то, что я скажу сейчас. Госпожа Хардести, когда Билл повернется, прицельтесь ему в позвоночник, чуть ниже шеи. При любом подозрительном движении стреляйте на поражение. Не ждите команды, не давайте ему второго шанса, не наносите раны – убейте на месте.

– С превеликим удовольствием, сенатор!

Билл издал протяжный стон.

– Ладно, Билл, поворачивайся. Без рук, только с помощью силы воли.

Он развернулся на заднице, царапая пол каблуками. Я с удовлетворением отметил, что Гвен крепко держит пистолет обеими руками. Взяв трость, я подтолкнул самопальное оружие Билла, и оно оказалось прямо перед ним.

– Билл, не делай резких движений. Опустить руки. Разряди свой пистолет. Оставь затвор открытым и положи патрон рядом. Затем снова руки за голову.

Стоя рядом с Гвен и опираясь на трость, я затаил дыхание на то время, пока Билл выполнял мои инструкции. Я убил бы его без угрызений совести и не сомневался, что так же поступила бы и Гвен, стоило ему попытаться направить на нас свой самопал.

Но меня беспокоил вопрос о том, что делать с телом. Мне не хотелось его смерти. За пределами поля боя или госпиталя не так-то легко объяснить наличие трупа: оно создает ненужные проблемы. Управлению это точно не понравится. Поэтому я облегченно вздохнул, когда он выполнил данное ему задание и снова заложил руки за голову.

Орудя тростью, я подтянул к себе его мерзкий пистолетик и единственный патрон к нему, после чего спрятал патрон в карман, наступил каблуком на ствол, сплющив дуло, и раздавил спусковой механизм.

– Можете немного расслабиться, – сказал я Гвен. – Нет необходимости убивать его прямо сейчас. Достаточно ранения, как и раньше.

– Так точно, сенатор. Можно мне его ранить?

– Нет-нет! Только если он будет плохо себя вести. Билл, ты ведь будешь хорошо себя вести?

– А я что, плохо себя вел? Сенатор, пусть она хотя бы поставит пушку на предохранитель!

– Ну-ну! У твоей предохранителя не было. И ты не в том положении, чтобы чего-то требовать. Билл, что ты сделал с проктором, которому ты дал по башке?

– Э-э, что?

– Да брось. Ты являешься сюда в кители проктора, который тебе явно не впору, а штаны вообще к нему не подходят. Я прошу тебя предъявить документы, а ты хватаешься за пушку – к

тому же еще и самопал, ради всего святого! И как давно ты принимал ванну? Но сперва скажи, что ты сделал с владельцем кителя. Он мертв? Или ты просто оглушил его и запихнул в шкаф? Отвечай быстрее, или я попрошу госпожу Хардести дать тебе стимулятор памяти. Так где он?

– Не знаю! Я ничего такого не делал!

– Ну-ну, мальчик мой, только не надо врать.

– Это правда! Клянусь честью матери, истинная правда!

Насчет чести его матери у меня имелись сомнения, но высказывать их вслух было бы невежливо, особенно с учетом того, насколько жалкий тип валялся передо мной.

– Билл, – мягко сказал я, – ты не проктор. Надо ли объяснять, почему я в этом так уверен? – (Главный проктор Франко – известный во всей Солнечной системе солдафон. Если кто-нибудь из его шестерок явится на утреннюю поверку в таком виде и воняя, как этот несчастный придурок, ему повезет, если все закончится отправкой на шарик с первым же кораблем.) – Но если настаиваешь, объясню. Тебе когда-нибудь засовывали булавку под ноготь, нагревая потом ее конец? Отлично освежает память.

– Лучше заколку для волос, сенатор, – живо подсказала Гвен. – Больше масса, лучше сохраняется тепло. У меня есть с собой. Можно я займусь им? Можно?

– Вы хотели сказать «Разрешите мне»? Нет, детка, прошу вас держать Билла на мушке. Если придется прибегнуть к подобным мерам, я не стану просить об этом даму.

– Ох, сенатор, вы такой мягкосердечный! Вы отпустите его, когда он будет готов все выложить. Зато я не такая. Давайте я покажу, ну пожалуйста!

– Ну...

– Уберите от меня эту кровожадную суку! – пронзительно завопил Билл.

– Билл! Немедленно извинись перед дамой. Иначе я позволю ей делать с тобой что угодно.

Он снова застонал:

– Прошу прощения, леди. Извините. Но вы чертовски меня пугаете. Прошу вас, не засаживайте мне заколку под ноготь – я видел, как это проделали с одним парнем.

– Могло быть и хуже, – весело заверила его Гвен. – Медный провод двенадцатого размера проводит тепло куда лучше, а в мужском теле хватает интересных мест, куда его можно приложить. Намного действеннее, и результат достигается быстрее. Сенатор, – задумчиво добавила она, – у меня в маленьком чемодане есть медный провод. Если вы минутку подержите пистолет, я достану.

– Спасибо, дорогая, но, возможно, мы обойдемся без этого. Кажется, Билл хочет что-то сказать.

– Никаких проблем, сэр. Но вы же хотите, чтобы я держала провод наготове?

– Может быть. Посмотрим. Билл, что ты сделал с тем проктором?

– Я ничего не делал, я вообще его не видел! Просто два чувака сказали, что у них есть для меня работенка за налик. Я их не знаю и раньше не видел, они не из наших, но все время появляются новенькие, и Фингерс сказал, что с ними все норм. Он...

– Погоди. Кто такой этот Фингерс?

– Э-э... мэр нашего закоулка. Пойдет?

– Подробнее. Вашего закоулка?

– Нужно же человеку где-то спать? У важных шишек вроде вас есть жилой модуль с именем на двери. Если бы мне так повезло! Дом ведь там, где живешь.

– Полагаю, ты хочешь сказать, что ваш закоулок и есть твой дом. Где это? Кольцо, радиус, сила тяжести?

– Э-э... не совсем так.

– Рассуди здраво, Билл. Если нечто находится внутри главного цилиндра, а не снаружи, в одном из придатков, его местоположение можно описать именно таким образом.

– Может, и так, но описать не получится – туда попадают иначе. И я вас туда не проведу, потому что... – Его лицо исказилось от неподдельного ужаса, отчего он, казалось, постарел лет на десять. – Только пусть она не пытается меня раскаленной проволокой и не отстреливает от меня кусочки! Пожалуйста! Просто вышвырните меня в космос, и покончим с этим, ладно?

– Сенатор?

– Да, госпожа Хардести?

– Билл боится, что если ему сделают слишком больно, он расскажет, где ночует. Все дело в том, что там ночуют и другие бродяги, а «Золотое правило», как мне кажется, недостаточно велико, чтобы он мог от них спрятаться. Если он выдаст место их ночлега, они его убьют. И вероятно, будут убивать медленно.

– Билл, ты поэтому упрямисься?

– Я и так много наговорил. Вышвырните меня в космос.

– Пока ты жив, Билл, ни за что не вышвырну. Ты знаешь то, что нужно мне, и я намерен вытянуть это из тебя, даже если придется применять медный провод и самые причудливые идеи госпожи Хардести. Но, возможно, я обойдусь без ответа на вопрос, который тебе задал. Что с тобой случится, если ты расскажешь или покажешь мне, где находится ваш закоулок?

Билл медлил с ответом, но я его не торопил. Наконец он проговорил, понизив голос:

– Семь месяцев назад ищейки поймали и раскололи одного чувака. Слава Иисусу, не из моего закоулка, а из служебной зоны возле сто десятого кольца, внизу, где полная сила тяжести. В общем, ищейки пустили туда газ, и куча пацанов погибла... но этого чувака они отпустили. Только это мало ему помогло – не прошло и суток, как его схватили и заперли вместе с крысами. Голодными крысами.

– Понятно. – Я посмотрел на Гвен.

– Только не крысы, сенатор, – сглотнув, прошептала она. – Терпеть не могу крыс. Пожалуйста.

– Билл, вопрос насчет вашего закоулка – твоего укрытия – снимается. И я не прошу тебя назвать других бродяг. Но на все прочие вопросы я ожидаю полного и быстрого ответа. Хватит тянуть резину и впустую тратить время. Согласен?

– Да, сэр.

– Начнем сначала. Двое незнакомцев предложили тебе работу. Расскажи, что это за работа.

– Ну... они сказали, что дел всего на пару минут, ничего особенного. Надеть китель, притвориться ищейкой, позвонить в эту дверь, спросить вас и сказать: «Сообщение от Управляющего». Дальше вы и сами знаете. И когда я скажу: «Эй, вы же не сенатор! Или все-таки сенатор?» – они должны были ворваться и арестовать вас. – Билл укоризненно посмотрел на меня. – А вы все испортили. Вы, а не я. Вы все делали не так, как ожидалось. Захлопнули дверь у меня за спиной – а не должны были. А еще оказалось, что вы и в самом деле сенатор... и она тут еще с вами. – При упоминании Гвен его тон сделался особенно горьким.

Я хорошо понимал его негодование. Как честному преступнику тяжким трудом добиться успеха в своей профессии, если жертва не хочет сотрудничать? Исход почти любого преступления зависит от поведения жертвы. Если жертва отказывается от назначенной ей роли, преступник остается в невыгодном положении, порой настолько серьезном, что помочь ему может лишь понимающий, полный сочувствия судья. Я нарушил правила, оказав сопротивление.

– Тебе определенно не повезло, Билл. Давай-ка взглянем, что это за «сообщение от Управляющего», которое ты должен был доставить. Продолжайте держать его на мушке, госпожа Хардести.

– Можно мне опустить руки?

– Нет.

Планшетка все так же лежала на столе между Гвен и Биллом, но чуть ближе ко мне – я мог дотянуться до нее, не пересекая линии огня. Я поднял ее. К планшетке была прикреплена квитанция о приеме сообщений с местом для моей (или чьей-то еще) подписи, а рядом – знакомый голубой конверт фирмы «Маккей с Трех планет». Я открыл его.

Зашифрованное сообщение состояло примерно из полусотни пятибуквенных групп. При помощи шифра был записан даже адрес, над которым виднелся рукописный текст: «Сен. Кантор, Станд. ойл».

Я молча убрал конверт в карман. Гвен вопросительно взглянула на меня, но я сделал вид, будто ничего не заметил.

– Госпожа Хардести, как мы поступим с Биллом?

– Замочим!

– Гм? В смысле «прикончим»? Или вы готовы его искупать? Может, еще и спинку потереть?

– О небеса, да нет же! Предлагаю запихнуть его в освежитель и оставить там, пока не станет чистеньким – чтобы принял горячий душ с мылом, вымыл волосы с шампунем, привел в порядок ногти на руках и ногах и так далее. Не выпускать, пока он не начнет сиять чистотой.

– Вы позволите ему воспользоваться вашей кабинкой?

– Учитывая все обстоятельства, вряд ли она мне пригодится. Сенатор, я устала от его вони.

– Да-да, вспоминается сгнившая картошка в жаркий день на Гольфстриме. Раздевайся, Билл.

Криминальный класс – самая консервативная группа любого общества. Билл не желал оголяться в присутствии дамы, точно так же как не желал говорить, где укрываются его дружки-изгои. Мое предложение потрясло его до глубины души, а то обстоятельство, что дама отнюдь не возражала против такого бесстыдства, прямо-таки повергло в ужас. Что касается последнего, то еще вчера я, возможно, думал бы так же... но теперь знал, что Гвен нелегко обескуражить. Похоже, ей это даже нравилось.

По мере того как Билл разоблачался, он вызывал у меня все больше сочувствия. Он напоминал ошипанного цыпленка, а его горестный вид еще больше усиливал сходство. Когда на нем остались лишь серые от грязи трусы, он остановился и посмотрел на меня.

– До конца, – коротко бросил я. – А потом – марш в кабинку, и за дело. Если результат меня не устроит, начнешь сначала. Если высунешь нос раньше чем через полчаса, даже проверять не стану и отправлю обратно. Стаскивай портки, живо!

Повернувшись спиной к Гвен, Билл снял трусы, бочком скользнул в кабинку, тщетно пытаясь сохранить остатки достоинства, и запер за собой дверь.

Гвен убрала пистолет в сумочку и размяла пальцы:

– Рука затекла. Могу я взять те патроны, дорогой?

– Что?

– Те, которые ты забрал у Билла. Шесть, правильно? Пять и еще один.

– Конечно. Если хочешь.

Стоило ли говорить ей, что мне они тоже могли пригодиться? Нет. Такими сведениями делятся лишь при необходимости. Достав патроны, я протянул их Гвен. Та осмотрела их, кивнула, снова вынула свой изящный пистолетик, извлекла обойму, вставила в нее шесть конфискованных патронов, установила обойму на место, дослала патрон в ствол, поставила оружие на предохранитель и убрала его в сумочку.

– Поправь меня, если я ошибаюсь, – медленно проговорил я. – Когда я в первый раз попросил прикрыть меня, ты воспользовалась авторучкой. А потом, когда разоружила Билла, ты целилась в него из незаряженного пистолета. Правильно?

– Ричард, он застиг меня врасплох. Я сделала все, что могла.

– Я вовсе не критикую, напротив!

– Как-то не нашлось подходящего момента, чтобы тебе сказать. – Гвен сменила тему. – Дорогой, можешь поделиться штанами и рубашкой? Они лежат в твоей сумке сверху.

– Думаю, да. Для нашего проблемного отпрыска?

– Угу. Хочу выбросить его грязную одежду в мусоропровод: пусть ее отправят на переработку. Пока мы не избавимся от нее, вонь отсюда не выветрится.

– Так давай избавимся от нее. – Я запихнул всю одежду Билла, кроме ботинок, в люк мусоропровода и вымыл руки под краном, стоявшим в кладовой. – Гвен, вряд ли я вытяну что-то еще из этого болвана. Можем оставить ему какую-нибудь одежду и уйти. Или... уйти прямо сейчас и ничего не оставлять.

Гвен удивленно посмотрела на меня.

– Но его тут же схватят прокторы.

– Именно. Дорогая, этот парень – прирожденный неудачник, он все равно попадется в лапы прокторов. Как сейчас поступают с бродягами? Не слышала?

– Нет. По крайней мере, не слышала ничего похожего на правду.

– Не думаю, чтобы их отправляли на Землю. Это слишком дорого обошлось бы Компании и стало бы нарушением Золотого правила в его здешнем понимании. В «Золотом правиле» нет тюрем, так что возможных вариантов немного. Что тогда?

Во взгляде Гвен появилась тревога.

– Мне это не слишком нравится.

– Все еще хуже. За этой дверью, вероятно не на самом виду, а поблизости, притаилась парочка бандитов. Ничего хорошего нам или, по крайней мере, мне ждать не приходится. Если Билл выйдет отсюда, не выполнив задания, что с ним будет? Его скормят крысам!

– Бррр!

– Вот именно, «бррр». Как говорил мой дядя, никогда не подбирай бродячего котенка, если не готов стать его собственностью. Ну так что, Гвен?

– Мне кажется, он хороший мальчик, – вздохнула Гвен. – Я имею в виду, он мог бы таким стать, если бы им кто-то занялся.

Мне оставалось лишь вздохнуть вслед за ней.

– Есть только один способ выяснить это.

6

*Не запирай амбар после того, как из него все вынесли.
Хартли М. Болдуин¹⁵*

Не так-то просто врезать человеку по носу, используя терминал.

Даже если ты не собираешься прибегать к такому непосредственному методу убеждения, дискуссия через терминал зачастую не дает результатов. Одним нажатием клавиши твой оппонент может отключить тебя или передать своему подчиненному. Но если ты физически присутствуешь в его кабинете, ты можешь успешно приводить самые убедительные аргументы, просто проявив чуть больше упрямства, чем он. Сиди на месте и отвечай «нет» – или даже молчи. В конце концов, ему придется либо согласиться с твоими требованиями – конечно же, разумными! – либо вышвырнуть тебя за дверь.

Но последнее может повредить его имиджу.

По вышеуказанным причинам я решил не звонить ни Мидлгеффу, ни кому-либо еще из отдела размещения, а лично отправился в Управление. Я не рассчитывал повлиять на Мидлгеффа, который явно получил указания сверху и с равнодушием бюрократа воплощал их в жизнь (вот уж действительно «приятного дня»!). Я почти не надеялся добиться чего-то от Управляющего – но, по крайней мере, отказ с его стороны позволил бы мне не тратить время на обращение в вышестоящие инстанции. В «Золотом правиле», частной компании, которая не находилась под юрисдикцией ни одного суверенного государства (и соответственно, сама обладала суверенитетом), Управляющий был высшей властью, а всемогущий Бог не мог считаться даже его младшим партнером.

Решения, принятые Управляющим, могли выглядеть полным произволом... но при этом являлись окончательными. Ни многолетних тяжб, ни вышестоящего суда, который мог бы отменить решение, – затяжные процессы, наносившие серьезный ущерб функционированию «правосудия» в демократических государствах на шарике, здесь были невозможны. За те пять лет, что я прожил здесь, смертную казнь применяли всего несколько раз... но в каждом из процессов судьей был сам Управляющий, и приговоренного вышвыривали в космос в тот же день.

При такой системе понятие судебной ошибки лишалось всякого смысла.

Добавим к этому, что занятие юриспруденцией, как и проституцией, здесь не запрещено и не требует лицензии. В итоге судебная система мало напоминает безумное нагромождение прецедентов и традиций, именуемое на шарике правосудием. Возможно, правосудие в «Золотом правиле» страдает астигматизмом, если не полностью слепо, но неспешным оно быть не может.

Мы оставили Билла в фойе Управления вместе с нашим багажом – моей сумкой и моим узлом, чемоданами Гвен и кленом-бонсай (который мы полили, прежде чем покинуть жилище Гвен), – велел ему сидеть на сумке, охранять бонсай ценой собственной жизни (по выражению Гвен) и следить за остальными вещами. Потом мы прошли внутрь. Указав наши фамилии на стойке в приемной, мы нашли свободные кресла. Гвен достала из сумочки игровую консоль «Касио».

– Во что сыграем, дорогой? Шахматы, криббедж, нарды, го, что-нибудь еще?

– Думаешь, придется долго ждать?

¹⁵ Хартли М. Болдуин – доктор наук, он же Котелок Болдуин, он же Два Костыля (19?? – 2093?). Лидер анклава homo novus на Земле, позднее руководитель частного охранного предприятия «Систем энтерпрайзис» (см. у Р. Э. Хайнлайна повесть «Бездна» и роман «Фрайди»). – Примеч. С. В. Голд.

– Да, сэр. Хотя... знаешь, как раньше подгоняли упрямого мула? Подпаливали ему брюхо. Может, придумать что-нибудь в этом роде?

– Пожалуй, ты права. Есть мысли насчет того, как подпалить мулу брюхо? Так, чтобы не поджечь повозку. Хотя, черт побери, можно и поджечь. Но как?

– Мы могли бы прибегнуть к старому приему: «Мой муж знает все». Или «Твоя жена все узнала». Но тут нужно что-нибудь новенькое: у классических вариантов слишком длинная борода. – Подумав, она добавила: – Я могу начать рожать. Это всегда привлекает внимание.

– Ты не похожа на беременную.

– Готов поспорить? Пока еще никто не разглядел меня как следует. Видишь дамскую уборную напротив? Дай мне пять минут побыть там одной, и никто не усомнится, что я на девятом месяце. Ричард, я научилась этому много лет назад, когда занималась расследованием исков в страховой компании. Так можно проникнуть куда угодно.

– Здорово было бы взглянуть, как ты это делаешь, – согласился я. – Но надо не только проникнуть внутрь, а еще и оставаться там до тех пор, пока этот тип не выслушает наши доводы.

– Доктор Эймс...

– Да, миссис Эймс?

– Управляющий не станет выслушивать наши доводы.

– Подробнее, пожалуйста.

– Я приветствовала твое решение отправиться на самый верх. Мне стало понятно, что мы сразу узнаем все плохие новости и сэкономим время и слезы. Мы прокаженные, это ясно – судя по тому, что с нами произошло. Управляющий не просто хочет, чтобы мы переехали, он собирается вышвырнуть нас из «Золотого правила». Не знаю почему, но знать и не нужно – просто это так. Я поняла все это и успокоилась. Когда и ты поймешь это, дорогой, мы сможем строить планы. Полетим на шарик, на Луну, в Землю Обетованную, на «Эль-четыре», Цереру, Марс... куда угодно, любимый. Куда ты, туда и я.

– На Луну.

– Что, сэр?

– По крайней мере, на время. Свободное государство Луны – не такой уж плохой вариант. Сейчас оно искореняет анархию и насаждает бюрократию, но еще не до конца нарастило мускулы. Там все еще достаточно свободы для тех, кто привык к практическому подходу. И на Луне пока хватает места, как и внутри ее. Да, Гвен, нам придется улететь отсюда – я и раньше это подозревал, а теперь точно знаю. Мы могли бы отправиться прямо в космопорт, но мне все же хочется увидеть Управляющего. Черт побери, я хочу услышать все из его собственных живых уст! А потом можно с чистой совестью прибегнуть к яду.

– Ты намерен отравить его, дорогой?

– Всего лишь фигура речи. Я намерен включить его в свой список, а потом он быстро станет жертвой кармического возмездия.

– О, возможно, я могла бы посодействовать.

– Незачем. Занесенные в список долго не живут.

– И все-таки мне было бы приятно. «Мне отмщение, говорит Господь». Но в исправленной версии звучит это так: «Отмщение Гвен... и Мне, лишь если Гвен оставит Мне его».

– А кто мне говорил «не брать закон в свои руки»? – усмехнулся я.

– Но я же говорила про *тебя*, и ни слова про себя. Обожаю ускорять действие кармы, даже если все и так идет быстро. Это мое любимое хобби.

– Дорогая, счастлив сказать, что ты и впрямь плохая девочка. И как, по-твоему, он должен умереть? От крапивницы? От заусениц на ногтях? От икоты?

– Я подумываю о том, чтобы не давать ему спать, пока он не умрет. Бессонница намного хуже всего, что ты перечислил, дорогой, если она длится достаточно долго. Рассудок жертвы

рассыпается еще до того, как она перестает дышать. Начинаются галлюцинации, проявляются худшие фобии. Человек умирает внутри собственного ада, из которого невозможно бежать.

– Гвен, создается впечатление, будто ты уже пользовалась этим методом. – (Она промолчала. Я пожал плечами.) – Ну, что бы ты ни решила, дай мне знать, чем я могу помочь.

– Непременно, сэр. Мм... я склоняюсь к тому, чтобы утопить его в гусеницах. Но не знаю, где взять столько гусениц, разве что заказать на Земле. Хотя... всегда можно воздействовать с помощью бессонницы. А под конец сделать так, что обреченный породит собственных гусениц, стоит лишь намекнуть. – Она вздрогнула. – Schrecklich!¹⁶ Но только не крысы, Ричард. Ни за что. Даже воображаемые.

– Милая женушка, я рад, что для тебя существуют хоть какие-то границы.

– Конечно существуют! Любимый, ты удивил меня, когда сказал, что дурные манеры – преступление, которое должно караться смертью. Меня больше заботит зло как таковое, чем дурные манеры. Я считаю, что зло не должно оставаться безнаказанным. Бог не спешит наказывать за него, и это меня не устраивает. Я хочу, чтобы все свершилось здесь и сейчас. Возьмем, к примеру, грабителя: когда он пойман, надо тут же его вешать. А поджигателей – сжигать на костре на месте устроенного ими пожара, лучше всего на неостывшем пепелище. Ну а насильников...

О том, какую замысловатую казнь Гвен уготовила насильникам, я так и не узнал, поскольку перед нами возник вежливый бюрократ – седой мужчина с перхотью и приклеенной улыбкой.

– Доктор Эймс?

– Он самый.

– Мангерсон Фиттс, помощник заместителя администратора отдела дополнительной статистики. Я вами займусь. Вы наверняка понимаете, что Управление сейчас целиком поглощено введением в строй нового сегмента. Приходится решать множество вопросов, связанных с временным переселением и нарушениями привычного порядка вещей, прежде чем все мы сможем начать новую жизнь в более обширном и более совершенном «Золотом правиле». – Он победоносно улыбнулся. – Как я понимаю, вы хотите видеть Управляющего?

– Совершенно верно.

– Прекрасно. Ввиду нынешних чрезвычайных обстоятельств я помогаю сохранить на время реконструкции высокое качество обслуживания гостей «Золотого правила», которым мы так гордимся. Я уполномочен исполнять обязанности Управляющего. Можете считать меня его вторым «я»... ибо я и есть Управляющий во всех отношениях. Эта дама... возможно, с вами?

– Да.

– Мое почтение, мэ. Очень приятно. А теперь, друзья, прошу пройти со мной...

– Нет.

– Простите?

– Я хочу видеть Управляющего.

– Но я же вам объяснил...

– Я подожду.

– Видимо, вы меня плохо поняли. Прощу про...

– Нет.

В этот момент Фиттсу следовало схватить меня за шиворот и вышвырнуть пинком под зад. Конечно, со мной такое легко не пройдет – я обучался боевым искусствам у дорсаев¹⁷, –

¹⁶ Ужасно! (нем.)

¹⁷ Дорсаи – народ воинов с планеты Дорсай из произведений американского фантаста Гордона Диксона.

но поступить он должен был именно так. Однако ему мешали традиции, привычки и установленные правила.

– Гм... – Фиттс озадаченно уставился на меня. – Но вы должны, вы же понимаете...

– Нет, не понимаю.

– Я пытаюсь объяснить вам...

– Я хочу видеть Управляющего. Он не говорил вам, как надо поступать с сенатором Кантором?

– Сенатором Кантором? Сейчас... это сенатор из... гм...

– Если вы даже не знаете, кто это, откуда вам известно, как с ним поступать?

– Э-э-э... погодите минуту, я проконсультируюсь...

– Лучше возьмите нас с собой. Похоже, для решения этого крайне важного вопроса ваших полномочий недостаточно.

– Э-э-э... прошу подождать здесь.

– Нет. – Я встал. – Лучше я вернусь. Возможно, сенатор уже ищет меня. Передайте Управляющему, что, к сожалению, я не сумел решить этот вопрос. – Я повернулся к Гвен. – Идемте, мадам. Не будем заставлять его ждать.

Интересно, заметил ли Мангерсон, что местоимение «его» могло относиться к кому угодно?

Гвен тоже встала и взяла меня за руку.

– Прошу вас, друзья, – поспешно сказал Мангерсон, – не уходите! Гм... пойдете со мной. – Он двинулся в сторону двери без таблички. – Подождите минуту, пожалуйста.

Он отсутствовал больше минуты, но все равно недолго. Когда Фиттс вернулся, лицо его кривилось в улыбке, – именно это выражение будет самым подходящим.

– Сюда, пожалуйста! – сказал он и провел нас в дверь без таблички. Пройдя по короткому коридору, мы оказались в кабинете Управляющего.

Хозяин кабинета сидел за столом. На его лице не было привычного отеческого выражения, знакомого всем по «Слову Управляющего», которое так часто появлялось на всех терминалах. Наоборот, мистер Сетос выглядел так, словно ему попалась какая-то гадость в овсянке.

Не обращая внимания на прохладный прием, я остановился в дверях. Гвен встала рядом со мной. Когда-то я делил свое жилище с весьма привередливым котом (а бывают ли другие?): когда ему предлагали еду, не полностью соответствовавшую его вкусам, он застывал и со сдержанным достоинством демонстрировал оскорбленные чувства – что не так-то просто для существа, чья морда целиком покрыта шерстью, поэтому в основном он использовал язык тела. Вспомнив того кота, я проделал то же самое перед мистером Сетосом: я стоял... и ждал.

Сетос долго таращился на нас, потом все же встал, слегка поклонился и произнес:

– Мадам... не соизволите ли сесть?

При этих словах сели мы оба. Один-ноль в нашу пользу. Без Гвен у меня ничего бы не вышло, но она оказала мне неоценимую услугу. Стоило моей заднице коснуться кресла, как Сетос никакими силами не вытащил бы меня оттуда, пока я не добьюсь желаемого.

Я сидел неподвижно и молча ждал.

– Ну? – спросил Сетос, когда его кровяное давление достигло критического уровня. – Вам удалось с боем прорваться ко мне в кабинет. Что это за чушь насчет сенатора Кантора?

– Полагаю, вы мне сами расскажете. Это вы переселили сенатора Кантора в жилой модуль моей жены?

– Гм? Не смешите. У госпожи Новак однокомнатный модуль с минимальными удобствами, самый маленький в первом классе. Если бы сюда прибыл сенатор из «Стандард ойл», ему, разумеется, выделили бы люксовые апартаменты.

– Вероятно, мои? Потому вы меня и выселили? Ради сенатора?

– Что? Не искажайте моих слов. Сенатора здесь нет. Мы были вынуждены попросить некоторых гостей, в том числе вас, переселиться в другие модули. Вы же понимаете: для установки нового сегмента нужно эвакуировать все жилые модули и общественные пространства, примыкающие к кольцу номер сто тридцать. Придется временно потесниться, чтобы предоставить жилье перемещенным гостям. Насколько я помню, в вашем модуле разместят три семьи. Само собой, ненадолго.

– Ясно. Значит, мне лишь по недосмотру не сообщили, куда я должен переехать?

– О, я уверен, что вам сообщили.

– Я точно знаю, что нет. Не могли бы вы дать мой новый адрес?

– Доктор, вы полагаете, будто я держу в голове всю информацию о предоставленном жилье? Подождите за дверью, и я распоряжусь, чтобы вам выдали все нужные сведения.

Я сделал вид, будто пропустил его предложение – или приказ – мимо ушей.

– Да, я действительно полагаю, что вся информация у вас в голове.

– Население станции составляет сто восемьдесят с лишним тысяч человек, – фыркнул он. – Для таких подробностей у меня есть помощники и компьютеры.

– Не сомневаюсь. Но вы только что дали мне веский повод думать, что вы храните подробности в голове... когда они вас интересуют. Приведу пример. Мою жену вам не представили. Мангерсон Фиттс не знает, как ее зовут, сказать этого он не мог. Но вы и без этого знали, как ее зовут и в каком модуле она живет. Вернее, жила, пока вы не заблокировали ей вход. Вот как вы соблюдаете Золотое правило, мистер Сетос? Вышвыриваете своих гостей, не соблаговоллив предупредить их заранее?

– Доктор, вы пытаетесь ввязаться в драку?

– Нет, я пытаюсь выяснить, почему вы нас достаете. Травите нас. Преследуете. Мы оба прекрасно знаем, что временное переселение из-за нового сегмента тут ни при чем. Это совершенно точно: новый сегмент строят уже три с лишним года, и вы как минимум год знаете, когда его введут в строй. Но при этом вы вышвырнули меня из моего жилища, предупредив менее чем за полчаса. С моей женой вы поступили еще хуже – попросту заблокировали ее дверь без всякого предупреждения. Сетос, все это никак не связано с новым сегментом. Иначе нас предупредили бы по крайней мере за месяц, сообщили временные адреса и даты переезда в постоянное жилье. Нет, вы пытаетесь изгнать нас со станции «Золотое правило»... и мне хотелось бы знать почему!

– Убирайтесь из моего кабинета. Я прикажу кому-нибудь взять вас за руку и отвести в ваше новое – временное – жилище.

– В этом нет необходимости. Просто назовите координаты и номер жилого модуля. Я подожду, пока вы не найдете их.

– Господи, вам и впрямь хочется, чтобы вас вышвырнули из «Золотого правила»!

– Нет, мне здесь вполне комфортно. Я с радостью останусь... если вы скажете, где нам переночевать сегодня, и сообщите наш новый постоянный адрес, место, где мы будем жить, когда новый сегмент установят и заполнят воздухом. Нам нужны трехкомнатные апартаменты вместо моей двухкомнатной квартиры и однокомнатной, которую занимала миссис Эймс. Два терминала, по одному на каждого, как и раньше. И низкая сила тяжести – предпочтительно четыре десятых, но не больше половины нормальной.

– А слона в шоколаде не хотите? Зачем вам два терминала? Потребуется дополнительная проводка.

– Я заплачу. Дело в том, что я писатель и использую один терминал в качестве текстового редактора и для поиска информации. Другой нужен миссис Эймс для хозяйственных дел.

– Ого! Так вы намерены использовать жилое помещение в коммерческих целях? Будете платить как коммерсант, а не как обычный жилец.

– И сколько же?

– Нужно посчитать. Для каждого вида коммерческого использования есть свой коэффициент. Магазины, рестораны, банки и тому подобные предприятия платят примерно втрое больше за кубический метр, чем жилыцы. Производственные площади стоят дешевле торговых, но к ним могут применяться надбавки – например, за вредность. Складские помещения стоят лишь немногим дороже жилых. По-видимому, вам придется платить по ставке для офисов, коэффициент три с половиной. Но мне нужно уточнить у главного бухгалтера.

– Господин Управляющий, я правильно понимаю: вы собираетесь брать с нас в три с половиной раза больше, чем мы оба платили до этого?

– Примерно так. Может, поменьше – в три раза.

– Ну и ну. Я не скрывал того факта, что я писатель: это указано в моем паспорте, и именно как писатель я значился в вашем справочнике в течение последних пяти лет. Почему вы вдруг озаботились тем, как я использую терминал? Какая разница, пишу я письма домой или сочиняю рассказы?

Сетос издал некое подобие смеха:

– Доктор, «Золотое правило» – коммерческое предприятие, целью которого является получение прибыли. Ради прибыли я руковожу им от имени своих партнеров. Никто не обязан ни жить здесь, ни заниматься бизнесом. Я устанавливаю плату с тем расчетом, чтобы Компания получила максимальную прибыль, согласно своим представлениям. Если вам не нравится, можете вести свой бизнес в другом месте.

Я собрался сменить тему дискуссии, понимая, что его доводы сильнее моих, но тут неожиданно заговорила Гвен:

– Мистер Сетос!

– Гм? Да, госпожа Новак... миссис Эймс?

– Когда вы начали заниматься сводничеством, продавая своих сестер?

Лицо Сетоса приобрело легкий баклажанный оттенок. В конце концов, самообладание вернулось к нему настолько, что он спросил:

– Миссис Эймс, вы намеренно пытаетесь меня оскорбить?

– Разве это не очевидно? Не знаю, есть ли у вас сестры, но мне кажется, это занятие очень вам подходит. В любом случае вы обидели нас без всяких причин. Мы пришли к вам с просьбой удовлетворить нашу жалобу. Вы стали выкручиваться, лгать, уходить от ответа, а потом еще и занялись вымогательством, неуклюже оправдывая его свободой предпринимательства. Сколько вы обычно брали за своих сестер? Сколько оставляли себе в качестве комиссии? Половину? Или больше?

– Мадам, вынужден попросить вас покинуть мой кабинет... и эту станцию. Вы не из тех, кого мы хотим здесь видеть.

– С удовольствием, – невозмутимо ответила Гвен. – Как только вы рассчитаетесь со мной. И с моим мужем.

– УБИРАЙТЕСЬ!

Гвен протянула ему руку, ладонью вверх:

– Сперва деньги, наглый мошенник. Остаток на наших счетах плюс депозиты за обратный билет, которые мы оба оставили по прибытии сюда. Если мы покинем этот кабинет без денег, вы вряд ли вернете то, что нам должны. Верни наши деньги, и мы уйдем. Улетим на Луну с первым же челноком – но верни их прямо сейчас! Иначе тебе придется вышвырнуть меня в космос, чтобы я заткнулась. Если позовешь своих головорезов, лживая морда, я закричу, и очень громко. Показать, как?

Гвен закинула назад голову и издала вопль, от которого у меня заболели зубы. У Сетоса, видимо, тоже – я заметил, как он вздрогнул. Он долго смотрел на нее, затем нажал кнопку на столе.

– Игнациус, закрой счета доктора Ричарда Эймса и госпожи Гвендолин Новак... э-э-э... – лишь мгновение поколебавшись, он правильно назвал номера наших модулей, – и немедленно неси их в мой кабинет вместе с наличными для выплаты и квитанциями. Никаких чеков. Что? Слушай меня. Если провозишься больше десяти минут, мы устроим всестороннюю проверку твоего отдела... и посмотрим, кого надо уволить, а кого просто понизить.

Он отключился, не глядя на нас.

Гвен достала свою игровую консоль и запустила крестики-нолики, что вполне меня устраивало – ни на что другое мой интеллект сейчас не годился. Она выиграла четыре раза, хотя дважды первый ход был за мной. Правда, голова у меня все еще побаливала от ее сверхзвукового вопля.

За временем я не следил, но, вероятно, счета принесли минут через десять. Взглянув на бумаги, Сетос передал их нам. Мой, похоже, был в полном порядке, и я уже собирался поставить свою подпись, когда Гвен вдруг спросила:

– Как насчет процентов на мой депозит?

– Что? О чем вы?

– Об оплате обратного билета на шарик. Мне пришлось внести всю сумму на депозит наличными, без всяких долговых расписок. Ваш банк выдает кредиты частным лицам под девять процентов, поэтому он должен начислять на замороженные деньги сумму, как минимум равную проценту по сберегательному счету. Но еще правильнее начислять тот же процент, что и для срочных вкладов. Я пробыла здесь больше года, так что... посмотрим... – Гвен достала карманный калькулятор, на котором мы играли в крестики-нолики. – Вы должны мне восемьсот семьдесят одну крону и, если округлить, еще восемьсот семьдесят одну в виде процентов. В швейцарских золотых это будет...

– Мы платим кронами, а не швейцарскими деньгами.

– Ладно, пускай кронами.

– И мы не платим проценты на деньги за обратный билет – они просто хранятся на условном депозите.

Внезапно я насторожился:

– Не платите? Дорогая, не дашь свою машинку? Так, посмотрим... сто восемьдесят тысяч человек... а билет эконом-класса в один конец до Мауи, если лететь «Пан-Амом» или «Кан-тасом», стоит...

– Семь тысяч двести, – подсказала Гвен. – Кроме выходных и праздников.

– Так... – Я ввел все необходимые данные. – Гм... миллиард крон с лишним! Тысяча двести девяносто шесть и еще шесть нулей. До чего интересно и познавательно! Сетос, старина, да ты можешь получать по сотне миллионов в год, не платя налогов – просто вложив все средства, которые берешь у лохов вроде нас, в ценные бумаги Луна-Сити. Но ты, наверное, не поступаешь так – по крайней мере, не со всеми деньгами. Отчего-то мне кажется, что ты содержишь свою лавочку на чужие деньги... без ведома и согласия их владельцев. Я прав?

Лакей (Игнациус?) с нескрываемым интересом слушал нас.

– Подписывайте квитанции и проваливайте! – рявкнул Сетос.

– С удовольствием!

– Только выплаты наши проценты, – добавила Гвен.

– Нет, Гвен... – Я покачал головой. – В любом другом месте мы могли бы подать на него в суд. Но здесь он и закон, и судья в одном лице. Впрочем, я не в обиде, господин Управляющий: вы подсказали мне превосходную и вполне продаваемую идею для статьи в «Ридерс дайджест» или «Форчун». Гм... я назову ее «Журавль в небе, или Как разбогатеть на чужих деньгах. Экономика частных орбитальных станций». Одна лишь станция «Золотое правило» обкрадывает общество на сто миллионов в год или что-то в этом роде.

– Только попробуйте опубликовать, и я вас засужу. Останетесь без штанов!

– Правда? Ладно, увидимся в суде, старина. Хотя сомневаюсь, что тебе захочется полоскать свое грязное белье в любом суде, где дело рассматриваешь не ты. Кстати, у меня возникла интересная мысль. Ты заканчиваешь постройку очень дорогого сегмента, и насколько я помню, в «Уолл-стрит джорнал» писали, что ты обошелся без продажи облигаций. Сколько из так называемых условно-деPOSITных денег крутится в виде колец, от сто тридцатого до сто сорокового? И сколько человек должны улететь в течение одной недели, чтобы разорить твой банк? Ты можешь выплатить деньги по первому требованию, Сетос? Или эти депозиты мошеннические, как и все твои махинации?

– Скажете это на публику, и я засужу вас во всех судах системы! Подписывайте квитанцию и уходите.

Гвен потребовала, чтобы деньги пересчитали в нашем присутствии, после чего поставила свою подпись. То же самое сделал и я.

Пока мы получали деньги, ожил терминал на столе у Сетоса. Экран был виден только ему, но я сразу же узнал голос главного проктора Франко.

– Мистер Сетос!

– Я занят.

– Это срочно! В Рона Толливера стреляли. Я...

– Что?!

– Только что! Я в его кабинете. Он тяжело ранен. Скорее всего, не выживет. Но у меня есть свидетели. Это дело рук того мнимого доктора, Ричарда Эймса...

– Заткнись!

– Но, босс...

– Заткнись, тупой никчемный идиот! Немедленно ко мне! – Сетос вновь переключился на нас. – А теперь убирайтесь.

– Пожалуй, я лучше подожду и познакомлюсь с этими свидетелями.

– Убирайтесь! Вон со станции!

Я подал руку Гвен.

7

*Честного человека не обманешь. Нужно, чтобы воровство сперва
поселилось в его душе*

Клод Уильям Дюкенфилд¹⁸ (1880–1946)

В коридоре мы обнаружили Билла, который все так же сидел на моей сумке, держа в руках деревце. Он встал, неуверенно глядя на нас, но когда Гвен ему улыбнулась, ухмыльнулся в ответ.

– Есть проблемы, Билл? – спросил я.

– Никаких, босс. Э-э... одно чмо пыталось купить у меня деревце.

– Почему ты его не продал?

Он ошеломленно уставился на меня:

– Чего?! Оно ведь *ее*?

– Именно. Если бы ты продал его, знаешь, что она сделала бы с тобой? Утопила бы в гусеницах, вот что. Ты не решился ее прогнать и поступил умно. Но зато – никаких крыс. Пока ты рядом с ней, крыс можешь не бояться. Верно, госпожа Хардести?

– Верно, сенатор. Никаких крыс, ни за что. Билл, я горжусь, что ты не дал ввести себя в искушение. Но я хочу, чтобы ты оставил свой жаргон. Кто-нибудь услышит и примет тебя за бродягу, а нам это совсем ни к чему. Не говори «чмо пыталось купить деревце», говори «мужчина пытался».

– Ну, ваще-то это была чувиха. Ну... телка. Сечете?

– Да. Попробуем еще раз. Скажи «женщина».

– Ладно. Это чмо было женщиной. – Он застенчиво улыбнулся. – Вы совсем как сестры, которые учили нас в Святом Имени на шарике.

– Я принимаю это как комплимент, Билл... и буду приставать к тебе с грамматикой, произношением и выбором слов даже сильнее, чем они, пока ты не научишься изъясняться так же красиво, как сенатор. Потому что много лет назад один мудрец и циник доказал, что успех в жизни в основном зависит от умения говорить. Понимаешь?

– Гм... не очень.

– Всему сразу научиться невозможно, и я этого от тебя не жду. Билл, если ты будешь каждый день мыться и правильно разговаривать, мир решит, что ты победитель, и станет относиться к тебе соответственно. Поэтому будем стараться.

– А пока что надо срочно убратся из этого гадюшника, – сказал я.

– Сенатор, это не менее срочное дело.

– Да-да, старое правило: «Как приучить щенка к улице». Понимаю. Но давайте двигаться.

– Да, сэр. Прямо в космопорт?

– Пока нет. По Эль-Камино-Реал, проверяя по дороге все терминалы: нам нужен такой, который принимает монеты. У вас есть монеты?

– Немного. Возможно, хватит на короткий звонок.

– Хорошо. Но посматривайте заодно, не попадется ли разменный автомат. Наши кредитные коды теперь недействительны, и придется обходиться монетами.

Вновь забрав наш груз, мы двинулись в путь.

¹⁸ Клод Уильям Дюкенфилд – американский актер, комик, фокусник и писатель, более известен как У. К. Филдс. – Примеч. С. В. Голд.

– Не хочу, чтобы Билл слышал это, – тихо сказала Гвен, – но не так уж трудно убедить общественный терминал в том, что ты используешь верный кредитный код, хотя у тебя его вообще нет.

– Попробуем, если честный способ не сработает, – так же тихо ответил я. – Дорогая, сколько еще мелких уловок припрятано у тебя в рукаве?

– Не понимаю, о чем вы, сэр. Вон там, в ста метрах справа, кажется, стоит будка с желтым знаком. Почему так мало общественных будок, принимающих монеты?

– Потому что Большому Брату хочется знать, кто кому звонит... А если использовать кредитный код, выйдет, что мы почти умоляем его узнать наши секреты. Да, на этой будке есть знак. Сколько у нас монет?

Преподобный доктор Хендрик Хадсон Шульц ответил почти сразу же. Похожий на Санта-Клауса, он оценивающе уставился на меня, одновременно подсчитывая деньги в моем бумажнике.

– Отец Шульц?

– Он самый. Чем могу служить, сэр?

Вместо ответа я достал банкноту в тысячу крон и подержал перед его лицом. Взглянув на нее, доктор Шульц удивленно поднял щетинистые брови.

– Вы меня заинтересовали, сэр.

Бросив взгляд налево и направо, я постучал по уху, затем изобразил трех обезьянок¹⁹.

– Что ж, я как раз собирался выпить чашечку кофе, – ответил он. – Не хотите ли присоединиться? Одну минуту...

Вскоре он показал листок бумаги, на котором было выведено большими печатными буквами:

ФЕРМА СТАРОГО МАКДОНАЛЬДА

– Может быть, встретимся в гриль-баре «Сан-Суси» на Петтикоут-лейн, прямо напротив моего офиса? – предложил доктор. – Скажем, минут через десять?

Продолжая говорить, он раз за разом тыкал пальцем в листок.

– Отлично! – сказал я и отключился.

Я не очень люблю бывать в сельской местности: моя больная нога плохо сочетается с полной силой тяжести, а фермам без нее не обойтись. Вернее, все не совсем так. Возможно, в системе больше станций, где ведут сельское хозяйство при меньшей силе тяжести, такой, какая им нравится (или такой, на которую рассчитаны мутировавшие растения), чем станций, где используют естественный солнечный свет и нормальную гравитацию. Так или иначе, на «Золотом правиле» основную часть свежих продуктов получают под воздействием солнечного света и при полной гравитации, хотя там есть территории с искусственным освещением и нестандартной силой тяжести – не знаю, сколько именно. Однако огромное пространство от пятидесятого кольца до семидесятого – это одна открытая площадка, где нет ничего, кроме опор, подавителей вибрации и дорожек, соединяющих основные коридоры.

На этих восьмистах метрах радиусы 0-60, 120-180 и 240-300 пропускают солнечный свет, а радиусы 60-120, 180-240 и 300-0 заняты сельскохозяйственными угодьями. Между сто восьмидесятым и двести сороковым радиусами, на кольцах 50-70 находится «Ферма старого Макдональда».

Это большая ферма. Здесь легко можно заблудиться, особенно в полях, где кукуруза даже выше, чем в Айове. И доктор Шульц польстил мне, предположив, что я знаю место нашей встречи – популярный открытый ресторан-бар «Сельская кухня», прямо посреди фермы: кольцо 60, радиус 210 и (естественно) полная сила тяжести.

¹⁹ Имеется в виду буддийский символ отказа от зла («ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не скажу»).

Чтобы попасть в ресторан, нам сначала пришлось спуститься по лестнице вперед на пятидесятое кольцо, затем пройти назад (при полной гравитации, черт бы ее побрал!) четыреста метров до шестидесятого. Расстояние, конечно, небольшое – около четырех городских кварталов, – но попробуйте преодолеть его на искусственной ноге, с культей, натруженной за день ходьбы, и с багажом в руках.

Похоже, Гвен тоже заметила это – по моему голосу, или выражению лица, или походке, или еще чему-нибудь, а может, просто прочитала мои мысли; подозреваю, что она это умеет, – и остановилась.

Я тоже остановился:

– Проблемы, дорогая?

– Да. Сенатор, поставьте узел на землю. Дерево-сан я удержу на голове, а узел дайте мне.

– Со мной все в порядке.

– Да, сэр. Конечно в порядке, и я постараюсь, чтобы так оставалось и впредь. Вы имеете право строить из себя мачо, когда вам вздумается... а я имею право строить из себя слабую неразумную женщину. Так что прямо сейчас я собираюсь лишиться чувств. И не приду в себя, пока вы не отдадите мне узел. Поколотить меня вы сможете позже.

– Гм... когда придет моя очередь победить в споре?

– В ваш день рождения, сэр. То есть не сегодня. Так что дайте мне узел. Пожалуйста.

Спор был не из тех, в которых мне хотелось бы победить, и я отдал узел. Билл и Гвен шли впереди, причем Билл возглавлял процессию, прокладывая путь. Гвен ни разу не уронила груз, который несла на голове, хотя мы шагали не по гладкому полу коридора, а по настоящей грунтовой дороге. Ненужное бахвальство, на мой взгляд.

Я ковылял позади, тяжело опираясь на трость и стараясь не нагружать культю. Когда мы добрались до открытого ресторана, я чувствовал себя уже намного лучше.

Доктор Шульц стоял, облокотившись на барную стойку. Он узнал меня, но не показал этого, пока я не подошел к нему вплотную.

– Доктор Шульц?

– Да-да! – Он даже не стал спрашивать, как меня зовут. – Поищем местечко поспокойнее? Мне очень по душе тишина, царящая в яблонево́м саду. Попросим нашего гостеприимного хозяина поставить среди деревьев столик и пару стульев?

– Да. Но только три стула, а не два.

К нам присоединилась Гвен.

– А не четыре?

– Нет. Пусть Билл охраняет наши пожитки, как и раньше. Вон там есть пустой столик. Можно положить вещи на него и рядом с ним.

Вскоре мы втроем устроились за столиком, который по нашей просьбе перенесли в сад. Посоветовавшись с остальными, я заказал пиво для преподобного отца и себя, кока-колу для Гвен, а также велел официантке найти молодого человека с сумками и принести ему все, что он пожелает, – пиво, кока-колу, сэндвичи, что угодно. (Я внезапно сообразил, что Билл, наверное, ничего не ел с утра.)

Когда официантка ушла, я достал из кармана ту самую банкноту в тысячу крон и протянул ее доктору Шульцу. Она тут же исчезла у него в руках.

– Желаете расписку, сэр?

– Нет.

– По-джентльменски, да? Итак, чем могу помочь?

Сорок минут спустя доктору Шульцу было известно о наших проблемах почти столько же, сколько и мне: я ничего не утаил. Мне казалось, что он может помочь нам, лишь зная всю подноготную – в той же мере, что и я.

– Говорите, в Рона Толливера стреляли? – наконец сказал он.

– Я не видел, только слышал, как об этом говорил главный проктор. Вернее, слышал человека с голосом, похожим на голос Франко, и Управляющий обращался с ним так же, как с Франко.

– Хорошо. Если раздастся стук копыт, стоит ждать лошадей, а не зебр. Но пока я добирался сюда, об этом ничего не говорили, и я не заметил никаких признаков волнения среди публики в этом ресторане – а убийство или попытка убийства второго по значимости акционера этой суверенной территории обязательно вызвали бы волнение. Когда вы пришли, я уже несколько минут стоял возле бара, но не слышал ни слова на эту тему, хотя именно в барах первыми узнают новости: там всегда висит экран, настроенный на новостной канал. Гм... А Управляющий не мог скрыть это происшествие?

– Этот лживый змей способен на что угодно.

– Я не имею в виду его моральный облик, хотя и согласен с вами, но лишь физическую возможность такого поступка. Попытку убийства скрыть непросто – кровь, шум, мертвая или раненая жертва. К тому же вы упомянули о свидетелях – вернее, о них упомянул Франко. Тем не менее судья Сетос полностью контролирует единственную газету, терминалы и прокторов. При желании он мог бы долго держать все в тайне. Посмотрим, что и как. Я сообщу обо всем, когда вы доберетесь до Луна-Сити.

– Возможно, нас там не будет. Мне придется вам позвонить.

– Разумно ли это, полковник? Возможно, нам удалось сохранить наш секрет... если только некое заинтересованное лицо, знающее и вас, и меня, не заметило, как мы вдвоем стояли возле бара. Нам действительно повезло, что в прошлом нас ничто не связывало, и ни одного из нас не обнаружат, если пойдут по следу другого. Конечно, вы можете мне позвонить... но нужно исходить из предположения, что мой терминал взломан, или в мою студию подсадили «жучка», или случилось и то и другое – такое уже бывало. Лучше воспользоваться почтой, если нет ничего крайне срочного.

– Но почту можно вскрыть. Кстати, прошу учесть, что я доктор Эймс, а не полковник Кэмпбелл. И еще: юноша, который пришел с нами, знает меня как «сенатора», а миссис Эймс – как «госпожу Хардести». Это последствия той кутерьмы, о которой я рассказал.

– Я запомню. За свою жизнь нам приходится играть множество ролей. Хотите верьте, хотите нет, но некогда я был известен как «младший капрал Финнеган из Имперской морской пехоты».

– Верю.

– Ну вот, сами видите. А я никогда им не был. Но мне приходилось заниматься куда более странными делами. Да, почту можно вскрыть. Но если я доставлю письмо к челноку прямо перед его отлетом из нашего космопорта к Луна-Сити, маловероятно, что оно попадет к тому, кто захотел бы его вскрыть. Ну а обратное письмо, адресованное Генриетте ван Лоон, «Мадам Помпадур», Петтикоут-лейн, двадцать тысяч двенадцать, доберется до меня почти без задержек. Старая опытная мадам имеет многолетний опыт аккуратного обращения с чужими секретами. Полагаю, человек должен кому-нибудь доверять. Искусство заключается в том, чтобы знать, кому именно.

– Док, полагаю, вам я могу доверять.

– Дорогой мой сэр, – усмехнулся он, – я с радостью продал бы вам вашу собственную шляпу, если бы вы оставили ее у меня на столе. Но по сути, вы правы. Я согласился, чтобы вы стали моим клиентом, и вы можете полностью мне доверять. Работа двойным агентом вызывает язву желудка... а я, как истинный гурман, не желаю заниматься тем, что может помешать мне наслаждаться хорошей едой. – Он задумчиво посмотрел на меня. – Можно еще раз взглянуть на тот бумажник? Бумажник Энрико Шульца?

Я протянул бумажник. Доктор извлек оттуда удостоверение.

– Так, значит, это его фотография?

– Один в один.

– Доктор Эймс, надеюсь, вы понимаете, что фамилия Шульц сразу же привлекла мое внимание. Но, возможно, вы не догадываетесь, что в силу моих разнообразных интересов я отмечаю каждого, кто прибывает на станцию. Я ежедневно читаю «Вестник», проглядывая все подряд и уделяя особое внимание информации личного характера. И могу с уверенностью утверждать, что этот человек прибыл на станцию «Золотое правило» не под фамилией Шульц. Любая другая фамилия могла бы ускользнуть от меня, но моя собственная? Невозможно.

– Но именно эту фамилию он, похоже, сообщил по прибытии.

– Именно что «похоже». – Шульц взглянул на удостоверение. – В своем офисе я за двадцать минут – ладно, за полчаса – изготовлю удостоверение с этой же фотографией и такого же качества. И в нем будет написано, что владельца зовут Альберт Эйнштейн.

– Хотите сказать, что удостоверение не поможет проследить его путь?

– Погодите, я этого вовсе не говорил. Вы утверждаете, что фотография подлинная. Это хорошая отправная точка. Намного лучше имени, стоящего в документе. Этого человека наверняка видели многие, некоторые даже знают, кто он такой. Кое-кто вполне может знать, почему его убили, если его в самом деле убили. Вы поступили осмотрительно, не став утверждать определенно.

– Ну... в основном из-за танцев с бубнами, устроенных сразу после того, как его застрелили – если застрелили. Никакой суматохи, никакого замешательства. Те четверо вели себя так, будто отрепетировали все заранее.

– Хорошо, попробую разузнать с помощью кнута и пряника. Из человека с нечистой совестью или страстью к деньгам – а у большинства людей есть и то и другое – можно вытянуть то, что ему известно. Что ж, похоже, мы все обговорили. Но давайте убедимся как следует: у нас вряд ли будет возможность устроить еще одну консультацию. Вы занимаетесь всем, что связано с Уокером Эвансом, а я – остальными вопросами в вашем списке. Будем обмениваться любыми сведениями, особенно если след ведет в «Золотое правило» или за его пределы. Что-нибудь еще? Ах да, то самое зашифрованное сообщение... вы намеревались им заняться?

– У вас есть мысли на этот счет?

– Предлагаю оставить его себе и отнести в главный офис компании «Маккей» в Луна-Сити. Если они сумеют опознать шифр, вопрос лишь в оплате – законной или незаконной – за его расшифровку. Из содержания сообщения будет ясно, нужно оно мне или нет. Если «Маккей» окажется бессилен, попробуйте показать его доктору Джейкобу Раскобу из университета Галилео. Он занимается криптографией на факультете информатики. Если даже он не поймет, что с этим делать, останется лишь молиться. Можно я оставлю себе фото моего кузена Энрико?

– Конечно. Но пришлите мне, пожалуйста, копию – она может понадобиться, когда я займусь вопросом Уокера Эванса. Да, пожалуй, наверняка понадобится. Доктор, нам нужно кое-что еще, о чем я не упоминал.

– Да?

– Ваше преподобие, юноша, который пришел с нами – призрак, ночной бродяга. И к тому же совсем голый. Нам хотелось бы его прикрыть. Не знаете никого, кто мог бы этим заняться, причем прямо сейчас? Хотелось бы успеть на ближайший челнок.

– Минуту, сэр! Следует ли понимать, что ваш носильщик, молодой человек с вашим багажом, – тот негодяй, который притворялся проктором?

– Разве я плохо разъяснил?

– Возможно, я не расслышал. Что ж, приму это к сведению... хотя вынужден признать, что весьма удивлен. Хотите, чтобы я снабдил его документами? Чтобы он мог передвигаться по «Золотому правилу», не опасаясь прокторов?

– Не совсем. Мне нужно нечто большее – паспорт. Чтобы он мог покинуть «Золотое правило» и попасть на Свободную Луну.

Доктор Шульц потянул себя за губу.

– Что он собирается там делать? Впрочем, нет, вопрос снимается. Это ваше дело, а не мое. Или его.

– Я собираюсь слепить из него что-то стоящее, отец Шульц, – сказала Гвен. – Он должен научиться держать ногти в чистоте и не путать слова. И ему недостает твердости характера, которую я намерена ему передать.

Шульц задумчиво посмотрел на Гвен:

– Да, пожалуй, у вас ее хватит на двоих. Разрешите сказать, мадам, что я бы ни за что не взялся за такое, но безмерно вами восхищаюсь!

– Терпеть не могу, когда что-то пропадает впустую. Думаю, Биллу лет двадцать пять, но он ведет себя и разговаривает так, будто ему десять или двенадцать. Но он вовсе не дурак, – улыбнулась она. – Уж я-то поучу его уму-разуму, пусть даже придется расколотить эту глупую башку!

– Желаю успехов, – вежливо кивнул Шульц. – А что, если он и впрямь окажется просто тупым? Неспособным повзрослеть?

– Тогда, – вздохнула Гвен, – я немного поплачу и найду для него спокойное местечко, где он сможет заниматься чем хочет и быть кем хочет, в покое и уюте. Ваше преподобие, я не могу отправить его обратно в мир грязи, голода и страха – и крыс. Такая жизнь хуже смерти.

– Да, ибо смерти не следует бояться: она несет окончательное утешение, о чем рано или поздно узнаем мы все. Что ж, значит, Биллу нужен чистый паспорт. Придется найти одну даму и узнать, может ли она принять срочный заказ. – Он нахмурился. – Сделать это до ближайшего челнока будет непросто. К тому же мне нужна фотография Билла. Проклятье! Без похода в мой офис не обойтись, а это лишнее время и лишний риск для вас обоих.

Гвен пошарила в сумочке и достала камеру «Мини-Гельвеция» – в большинстве мест для владения ею требовалась лицензия, но, вероятно, предписания Управляющего на нее не распространялись.

– Доктор Шульц, я знаю, что фотография будет слишком мала для паспорта, но нельзя ли ее увеличить?

– Наверняка можно. Гм... впечатляющая камера.

– Мне она нравится. Когда-то я работала на... одно агентство, где пользовались такими камерами, а уволившись, обнаружила, что потеряла ее... Пришлось возместить стоимость. – Она озорно улыбнулась. – А потом камера нашлась. Все это время она лежала в моей сумочке... на дне, среди всякого хлама. Ладно, сейчас сбегая и щелкну Билла.

– Используй нейтральный фон, – поспешно добавил я.

– Думаешь, у меня совсем котелок не варит? Извини, пожалуйста. Вернусь через секунду. Вернулась она через несколько минут, и фотография уже начала проявляться. Еще через минуту фото обрело резкость, и Гвен подала его доктору Шульцу.

– Подойдет?

– Отлично! Но что это за фон, можно поинтересоваться?

– Барное полотенце. Фрэнки и Хуанита натянули его за головой Билла.

– Фрэнки и Хуанита, – повторил я. – Это кто такие?

– Главный бармен и управляющий. Отличные ребята.

– Гвен, не знал, что у тебя здесь знакомые. Могут быть проблемы.

– Никаких знакомых у меня тут нет – я раньше здесь не бывала, дорогой. Обычно я ходила в «Полевую кухню» на ранчо «Ленивая восьмерка», у девяностого радиуса. Там отлично танцуют сквэр-данс²⁰.

Гвен посмотрела вверх, шурясь в солнечных лучах, – величественно вращавшаяся станция приняла положение, при котором Солнце находилось прямо над «Фермой старого Макдональда». Она показала куда-то ввысь, примерно под углом в шестьдесят градусов.

– Вон там видна «Полевая кухня», а танцпол как раз над ней, в стороне Солнца. Видите, там танцуют? Опора частично загромождает вид.

– Слишком далеко, – признался я.

– Танцуют, – сказал доктор Шульц. – Кажется, «Техасскую звезду». Да, тот самый стиль. Ах, молодость, молодость! Я давно уже не танцую, однако бывал приглашенным коллером²¹ в «Полевой кухне». Мы с вами там не встречались, миссис Эймс? Скорее всего, нет.

– А я думаю, что да, – ответила Гвен. – Но тогда я была в маске. Мне понравилось, как вы вели танец, доктор. У вас настоящий талант, прямо как у Папаши Шоу²².

– Это самая большая похвала, на которую может надеяться коллер. В маске? Случайно, не в бело-зеленом платье в полоску? И с широкой юбкой?

– И не просто широкой: когда партнер крутил меня, она шла волнами и люди жаловались на морскую болезнь. У вас великолепная память, сэр.

– А вы великолепная танцовщица, мэм.

– Может, закончим вечер воспоминаний? – прервал их я, придя в легкое раздражение. – Есть более срочные дела, и я все еще надеюсь успеть на двадцатичасовой челнок.

– Двадцатичасовой? – покачал головой Шульц. – Никак не получится, сэр.

– Почему не получится? Еще три часа с лишним. Мне не нравится идея ждать следующего: Франко может послать за нами своих головорезов.

– Вы просили паспорт для Билла. Доктор Эймс, даже на самое жалкое подобие паспорта нужно больше времени. – Он замолчал, напоминая теперь не столько Санта-Клауса, сколько усталого, полного забот старика. – Но ваша главная цель – забрать Билла с этой станции на Луну?

– Да.

– Что, если он отправится с вами в качестве раба?

– Что?!! В Свободное государство Луны нельзя ввозить рабов.

– И да и нет. Вы можете привезти раба на Луну... но он автоматически становится свободным, отныне и навеки, как только ступит на ее поверхность. Именно об этом в первую очередь объявили тамошние бывшие каторжники, добившись свободы. Доктор Эймс, я уверен, что к вечернему челноку сумею снабдить вас купчей на кабальный контракт Билла. У меня есть его фотография, есть комплект официальных бланков – подлинных, добытых незаконным путем, – и есть время на то, чтобы смять и состарить документ. Уверю вас, это намного безопаснее, чем пытаться в спешке соорудить паспорт.

– Полагаюсь на ваше мнение профессионала. Как, когда и где мне забрать документ?

– Гм... только не в моей студии. Знаете маленькое бистро рядом с космопортом, на одной десятой *g* у трехсотого радиуса? «Вдова астронавта»?

Я уже собирался ответить «нет», добавив, что в любом случае найду его, когда вмешалась Гвен:

– Я знаю, где это. За товарным складом фирмы «Мэйси». Без вывески.

²⁰ *Сквэр-данс* – американский народный танец, основу которого составляют фигуры традиционных плясок, привезенных эмигрантами из Европы.

²¹ *Коллер* – человек, который руководит танцем в сквэр-дансе, но сам в нем не участвует.

²² *Папаша Шоу* – прозвище Ллойда Шоу (1890–1958), преподавателя танцев, возродившего культуру народного танца в США.

– Совершенно верно. Собственно, это частный клуб, но я дам вам карточку. Можете там отдохнуть и перекусить. Никто вас не побеспокоит. Члены клуба стараются не лезть в чужие дела – им хватает своих.

(Вот только дела эти довольно темные, вроде контрабанды, – но говорить об этом вслух я не стал.)

– Это меня устроит.

Преподобный доктор достал карточку и начал писать, но тут же остановился.

– Под какими именами?

– Госпожа Хардести, – тотчас же ответила Гвен.

– Согласен, – серьезно кивнул доктор Шульц. – Разумная предосторожность. Сенатор, а как звучит ваша фамилия?

– «Кантор» не подойдет – можно наткнуться на того, кто знает в лицо сенатора Кантора. Гм... Хардести?

– Нет, она ваша секретарша, а не жена. Пусть будет «Джонсон». Сенаторов с этой фамилией больше, чем с любой другой, и она не вызовет подозрений, а кроме того, у Билла такая же... что может оказаться полезным. – Заполнив карточку, он протянул ее мне. – Хозяина заведения зовут Тигр Кондо, и в свободное время он обучает всевозможным способам быстрого убийства. Можете на него положиться.

– Спасибо, сэр. – Я бросил взгляд на карточку и убрал ее в карман. – Желаете получить очередную часть гонорара, доктор?

– Нет-нет, – весело улыбнулся он. – Я еще не решил, сколько из вас можно выжать. Мой девиз – «Бери, сколько дают», но я никогда не довожу своих клиентов до анемии.

– Разумно. Тогда до встречи. Нам не стоит уходить отсюда всем вместе.

– Согласен. Предлагаю встретиться в девятнадцать часов. Дорогие друзья, было очень приятно пообщаться с вами. И не забудем о самом важном событии сегодняшнего дня. Мои наилучшие пожелания, мэм. Мои поздравления, сэр. Пусть ваша совместная жизнь будет долгой, мирной и полной любви.

Гвен поцеловала его, поднявшись на цыпочки, и оба прослезились. Ну, и я тоже.

8

*Всегда чего-нибудь не хватает – если не печенья, так сиропа.
Лазарус Лонг (1912-?)*

Гвен повела нас прямо во «Вдову астронавта». Заведение приткнулось, как она и говорила, за складами «Мэйси», в одном из странных уголков, возникших из-за того, что станция имеет форму цилиндра: если не знать, что оно там, ты вряд ли найдешь его. После толп на том конце оси, где помещался космопорт, местечко показалось нам вполне уютным.

Вообще-то, этот конец предназначен только для пассажирских кораблей – грузовики собираются на противоположном. Но из-за монтажа и раскрутки нового сегмента весь транспортный поток перенаправили в конец, обращенный к Луне. Его называют «передним», поскольку длина «Золотого правила» достаточно велика для возникновения легкого приливного эффекта, и этот эффект усилится после установки нового сегмента. Я не хочу сказать, что там ежедневно происходят приливы и отливы. Там есть нечто иное...

(Возможно, я сообщаю слишком много подробностей. Все зависит от того, насколько вам пришлось иметь дело с орбитальными станциями. Можете спокойно пропустить эту часть.)

Итак, там наблюдается приливной захват – передний конец станции постоянно направлен в сторону Луны. Если бы «Золотое правило» было размером с корабль-челнок или находилось так же далеко, как «Эль-пять», ничего подобного не случилось бы. Но станция пятикилометровой длины движется по орбите вокруг центра масс, отстоящего от нее всего на пару тысяч километров. Естественно, это лишь одна четырехсотая от радиуса орбиты, но квадратичной зависимости никто не отменял, и в отсутствие трения эффект длится вечно. Приливное воздействие, которое Земля оказывает на Луну, лишь вчетверо сильнее – и даже меньше, если учесть, что Луна круглая, как теннисный мяч, а «Золотое правило» больше похоже на сигару.

У «Золотого правила» есть еще одна особенность. Его орбита проходит над полюсами (конечно, это знают все, так что прошу прощения), но этот почти идеальный круг полностью открыт Солнцу, то есть плоскость орбиты всегда обращена к Солнцу, а Луна вращается под ней. Отчасти напоминает маятник Фуко или патрулирующие Землю спутники-шпионы.

Иными словами, «Золотое правило» просто следует за терминатором, линией, отделяющей лунный день от ночи, совершая нескончаемое движение по кругу и никогда не уходя в тень. Если уж быть совсем точным, станция оказывается в тени во время лунных затмений, и только.

Такая конфигурация не может быть жесткой, она лишь метастабильна – на станцию воздействует что угодно, даже Сатурн и Юпитер. Однако маленький автопилот «Золотого правила» делает так, чтобы ее орбита всегда была полностью обращена к Солнцу: это и позволяет получать обильные урожаи на «Ферме старого Макдональда». Коррекция орбиты почти не требует энергии – лишь едва заметных толчков при обнаружении крошечных отклонений.

Надеюсь, вы пропустили все вышеизложенное. Небесная механика интересна лишь тем, кто применяет ее на практике.

Мистер Кондо – невысокого роста и явно японского происхождения – отличался предельной вежливостью. Мускулы его лоснились под кожей, словно у ягуара, и в манере двигаться было что-то от зверя. Даже без подсказки от доктора Шульца сразу становилось ясно, что с Тигром Кондо лучше не встречаться в темном переулке – если только он не оказался там, чтобы защитить тебя.

Поначалу он лишь слегка приоткрыл дверь, но когда я показал карточку доктора Шульца, нам тотчас же оказали довольно официальный, но теплый прием. Небольшое заведение было

заполнено лишь наполовину. Основную часть посетителей составляли мужчины; не все из присутствующих здесь женщин были их женами, но и особами легкого поведения не являлись. Чувствовалось, что они профессиональные партнеры. Окинув взглядом нашу троицу, хозяин решил, что нам не место в главном зале, с обычными клиентами, и провел нас в маленькую комнатку или кабинку, где едва хватало места для трех человек вместе с багажом. Там он принял заказ. Я спросил, можно ли пообедать.

– И да и нет, – ответил он. – Есть суси, а также сукияки, которое готовит на месте моя старшая дочь. Могу предложить гамбургеры и хот-доги. Имеется также пицца, но замороженная, – мы не делаем ее сами и никому не рекомендуем. В основном это бар: мы подаем еду, но посетители не обязаны ничего есть. Можете играть всю ночь в го, шахматы или карты и ничего не заказывать.

Гвен дотронулась до моей руки:

– Можно мне?

– Пожалуйста.

Они с хозяином говорили о чем-то довольно долго, но я не понял ни слова. Однако лицо его просветлело, он поклонился и ушел.

– И что это значит? – поинтересовался я.

– Я спросила, не мог бы он обслужить нас так же, как меня в прошлый раз. Это не конкретное блюдо, а просьба: пусть мама-сан посмотрит, что есть под рукой, и приготовит блюдо на свой вкус. Если бы я не сказала, он никогда не подал бы виду, что я тут бывала – в тот раз я приходила с другим мужчиной. Еще он сообщил, что наш маленький питомец – лучший экземпляр сахарного клена, виденный им за пределами Японии. Я попросила его опрыскать для меня деревце, прежде чем мы уйдем. Он согласился.

– Ты сказала ему, что мы женаты?

– Не было необходимости. Когда я говорила о тебе, то использовала идиому, которая это подразумевает.

Мне захотелось спросить, где и как она выучила японский, но я не стал делать этого: Гвен сама расскажет, когда сочтет нужным. (Сколько браков разрушилось из-за неодолимого стремления знать всю подноготную супруга? Как человек, сочинивший множество «историй из жизни», могу заверить вас, что необузданное любопытство в отношении прошлого мужа или жены – прямой путь к семейной трагедии.)

Вместо этого я обратился к Биллу:

– Билл, это твой последний шанс. Если хочешь остаться в «Золотом правиле», самое время уйти. Когда пообедаешь, конечно. Но после обеда мы отправляемся на Луну. Хочешь, лети с нами, хочешь, оставайся здесь.

Билл удивленно уставился на меня:

– Она сказала, что я могу выбирать?

– Конечно можешь! – резко сказала Гвен. – Можешь полететь с нами... но тогда я потребую, чтобы ты вел себя как цивилизованный человек. А можешь остаться в «Золотом правиле», вернуться в свое болото и рассказать Фингерсу, как ты провалил задание.

– Ничего я не провалил! Это все *он*!

Имелся в виду, естественно, я.

– Все ясно, Гвен, – сказал я. – Я ему не нравлюсь. Не хочу даже находиться рядом с ним, а тем более помогать ему. Однажды ночью он подсыплет отраву мне в суп.

– Билл на такое не способен. Правда, Билл?

– В самом деле? – усмехнулся я. – Заметила, как быстро он отозвался? Гвен, сегодня днем он пытался меня застрелить. Почему я должен мириться с такими грубыми манерами?

– Ричард, прошу тебя! Не может же он сразу исправиться!

Бессмысленную дискуссию прервал мистер Кондо, вернувшийся к нашему столику, чтобы накрыть его к ужину... включая держатели для нашего деревца. Одной десятой земной силы тяжести вполне достаточно, чтобы еда оставалась на тарелке, а ноги касались пола – но лишь едва-едва. Стулья были прикреплены к полу и снабжены привязными ремнями. Я не стал пристегиваться, но ремень бывает нужен, когда приходится резать жесткий бифштекс. К стаканам и чашкам прилагались крышки и носики для питья. Последние были самым полезным приспособлением: когда берешь чашку кофе при силе тяжести в одну десятую, запросто можно ошпариться. Вес почти отсутствует, зато инерция несколько не изменилась... и все выплескивается на тебя.

Раскладывая рядом со мной тарелки и палочки, Кондо тихо проговорил мне на ухо:

– Сенатор, а вы не участвовали в посадке у Солис Лакус?²³

– Конечно, дружище! – искренне ответил я. – Тоже там были?

– Имел честь, – поклонился он.

– Какое подразделение?

– «Неудержимые», Оаху.

– Старики «Неудержимые»... – уважительно проговорил я. – Больше всего наград в истории. Гордитесь!

– Благодарю от имени моих товарищей. А вы, сэр?

– Я высаживался с... «Убийцами Кэмпбелла».

Мистер Кондо втянул воздух сквозь зубы.

– Ах вот как! И впрямь можно гордиться.

Снова поклонившись, он быстро скрылся в кухне.

Я мрачно уставился в тарелку. Это был провал. Кондо узнал меня. Но если наступит день, когда в ответ на прямой вопрос я отрекусь от своих товарищей, можете не проверять мой пульс, можете даже не кремировать: просто выплесните вместе с помоями.

– Ричард?

– Гм? Да, дорогая?

– Ты не против, если я отойду?

– Конечно. У тебя все в порядке?

– Да, спасибо, но нужно кое-что сделать.

Гвен легкой походкой направилась в сторону коридора, который вел к туалетам и выходу. Это было похоже не столько на движение вперед, сколько на танец: при одной десятой *g* ходить по-настоящему можно либо в туфлях с магнитными подошвами, либо после очень долгой практики. Кондо обходился без магнитных туфель, скользя по-кошачьи.

– Сенатор?

– Да, Билл?

– Она злится на меня?

– Вряд ли. – Я собирался добавить, что буду очень недоволен, если он станет продолжать в том же духе, но промолчал. Угрожать Биллу, что его оставят здесь, – примерно то же самое, что бить младенца, не способного защититься. – Просто она хочет, чтобы ты вел себя достойно и не сваливал на других вину за свои поступки. И не искал оправданий.

Высказав свою любимую банальность, я вновь предался мрачному самоанализу. Я искал для себя оправданий, пусть и не вслух. Но все равно это поиск оправданий. Что бы ты ни делал, где бы ты ни был – вина, приятель, твоя и только твоя, на сто процентов.

²³ *Солис Лакус* – озеро Солнца, темная область на поверхности Марса размерами 500×800 км, из-за формы иногда называется «Окулусом» или «Оком Марса». Неподалеку от Солис Лакус в 1986 году высаживалась Первая марсианская экспедиция (единственный выживший – Валентин Майкл Смит). – *Примеч. С. В. Голд.*

Или заслуга. Вот только заслуг было чертовски мало. Давай признаемся честно.

Но стоит лишь посмотреть, с чего я начинал... и тем не менее пробился наверх, дослужившись до полковника.

В самой распутной и грязной банде воров и разбойников со времен крестовых походов. Не смей говорить так про свой полк!

Ладно. Но это ведь и не Колдстримская гвардия²⁴.

Эх, парни! Да всего лишь один взвод «Убийц Кэмпбелла»...

Дерьмо.

Гвен отсутствовала довольно долго. Я не посмотрел на часы, когда она уходила, но сейчас было почти восемнадцать. Я попытался встать, что не так-то просто, когда стол и стул привинчены к полу.

– Вы не стали обедать без меня? – спросила она.

– Нисколько. Мы поели и выбросили остатки на корм свиньям.

– Ладно, мама-сан не даст мне остаться голодной.

– А папа-сан не станет нас обслуживать без тебя.

– Ричард, я сделала кое-что, не посоветовавшись с тобой.

– Нигде не написано, что ты обязана со мной советоваться. Ну как, мы договоримся с копами?

– Речь вовсе не об этом. Ты видел, что сегодня в городе полно людей в фесках? Это экскурсанты с конвента храмовников²⁵ в Луна-Сити.

– Так вот кто они такие! А я-то думал, к нам вторглись турки.

– Думай что хочешь. Но ты сам видел, как они шляются по Петтикоут-лейн и Эль-Камино, покупая все, что не кусается. Мне кажется, большинство не останутся на ночь – у них плотная программа в Луна-Сити, номера в отелях уже оплачены. Вечерние челноки наверняка будут забиты до отказа...

– Пьяными турками, блюющими в собственные фески. И на сиденья.

– Можно не сомневаться. Мне пришло в голову, что даже на двадцатичасовом челноке вскоре может не оказаться мест, так что я купила для нас билеты и забронировала места.

– А теперь рассчитываешь, что я верну тебе деньги? Подай заявку, и я передам ее в свой юридический отдел.

– Ричард, я боялась, что сегодня мы вообще отсюда не выберемся.

– Госпожа Хардести, вы не перестаете меня удивлять. Какова сумма?

– О финансах поговорим потом. Мне просто показалось, что обед пройдет в более приятной обстановке, если я буду точно знать, что мы улетим сразу же после него. И... гм... – Она замолчала и посмотрела на Билла. – Билл?

– Да, мэм?

– Мы собираемся обедать. Вымой руки.

– Чего?

– Не ворчи. Делай что сказано.

– Да, мэм. – Билл послушно встал и вышел.

Гвен снова повернулась ко мне:

– Я немного нервничала... из-за лимбургского сыра.

– Какого еще сыра?

²⁴ Колдстримская гвардия – старейшее подразделение британской армии, основано в 1650 году по приказу О. Кромвеля.

²⁵ Храмовники – члены «Древнего арабского ордена благородных адептов Таинственного храма», американского общества, известного своей благотворительной деятельностью.

– Твоего, дорогой. Я взяла сыр у тебя в кладовке, а перед обедом положила на поднос с сыром и фруктами. Когда мы поели, остался стограммовый клинышек в обертке. Я не стала его выбрасывать, а вместо этого положила в сумочку. Вдруг мы захотим перекусить, подумала я...

– Гвен...

– Ладно, ладно! Я оставила сыр специально: мне уже доводилось применять его в войне разведок. Куда приятнее некоторых других вещей из списка. Ты не поверишь, насколько отвратительным бывает...

– Гвен, список составил я. Вернемся к нашим баранам.

– Как ты помнишь, в кабинете Сетоса я сидела почти у стены, прямо под выходным отверстием главного вентилятора. Теплый воздух неприятно дул мне в ноги, и я подумала...

– Гвен...

– Везде на станции одинаковые вентиляторы: и тепло, и поток воздуха регулируются на месте, а решетка держится на одних защелках. Пока бухгалтерия готовила окончательную выписку с наших счетов, Управляющий старательно не обращал на нас внимания. Я уменьшила поток воздуха, поставила регулятор тепла в нейтральное положение, сняла решетку, намазала лимбургским сыром лопатки теплообменника, зашвырнула остатки как можно дальше в воздуховод и поставила решетку на место. А потом, перед самым уходом, перевела регулятор в положение «холод» и увеличила воздушный поток. – Она с тревогой посмотрела на меня. – Тебе за меня стыдно?

– Нет. Но я рад, что ты на моей стороне. Гм... а ты в самом деле на моей?

– Ричард!

– Но еще больше я рад тому, что у нас забронированы места на следующем челноке. Интересно, как скоро Сетосу станет прохладно и он включит подачу тепла?

Обед был восхитительным, но я не знал названий блюд, так что ограничусь общим замечанием. Мы уже достигли стадии сытой отрыжки, когда из кухни вышел Кондо и, наклонившись к моему уху, проговорил:

– Прошу пройти со мной, сэр.

Я последовал за ним в кухню. Мама-сан лишь на мгновение оторвалась от своих дел и больше не обращала на нас внимания. Меня ждал преподобный доктор Шульц, взгляд которого был полон тревоги.

– Что, есть проблемы? – спросил я.

– Одну минуту. Вот ваша фотография Энрико, я ее скопировал. А вот документы для Билла – прошу ознакомиться.

Бумаги лежали в потертом конверте – мятые, пожелтевшие, местами покрытые жирными пятнами. Кадровое агентство «Геркулес мэнпауэр, инкорпорейтед» наняло Уильяма Без-среднего-имени Джонсона из Нового Орлеана, герцогство Миссисипи, республика Одинокой звезды²⁶, после чего продало его контракт строительной корпорации «Бехтель хай констракшн» с разрешением на работу в космосе, невесомости и вакууме, которая, в свою очередь, продала контракт доктору Ричарду Эймсу со станции «Золотое правило» на орбите Луны, и так далее, и тому подобное – юридические закорючки. К контракту было приложено очень похожее на настоящее свидетельство о рождении, где указывалось, что Билл – найденный, оставленный кем-то в приходе Метайри²⁷, предположительно родившийся за три дня до того, как его обнаружили.

– По большей части это правда, – сказал доктор Шульц. – Я выцарапал старые данные из главного компьютера.

²⁶ *Одинокая звезда* – официальный символ и прозвище штата Техас. – Примеч. С. В. Голд.

²⁷ *Метайри* – пригород Нового Орлеана.

– А есть разница, правда это или нет?

– Почти нет... если сведения выглядят достаточно убедительно, чтобы вытащить отсюда Билла.

Гвен, которая вошла на кухню следом за мной, взяла у меня бумаги и просмотрела их.

– По мне, все убедительно. Отец Шульц, вы настоящий мастер своего дела.

– Это моя знакомая дама – мастер своего дела. Я передам ей ваш комплимент. А теперь, друзья, перейдем к плохим новостям. Тэцу, покажи им.

Кондо прошел в заднюю часть кухни. Мама-сан, то есть миссис Кондо, посторонилась, и Кондо включил терминал. Вызвав «Вестник», он промотал его дальше – видимо, до раздела экстренных новостей, – и я вдруг увидел себя.

Рядом со мной, на другой половине разделенного надвое экрана, виднелось не слишком качественное изображение Гвен. Я бы не узнал ее, если бы не голос, который твердил:

– ...Эймса. Госпожа Гвендолин Новак – печально известная мошенница, обокравшая немало жертв, в основном мужчин, к которым втиралась в доверие в барах и ресторанах на Петтикоут-лейн. Самозванный «доктор» Ричард Эймс, не имеющий видимых средств к существованию, исчез из своего жилища, расположенного по адресу: кольцо шестьдесят пять, пятнадцатый радиус, уровень ноль целых четыре десятых g. Покушение со стрельбой было совершено сегодня в шестнадцать двадцать, в кабинете партнера «Золотого правила» Толливера...

– Эй! – сказал я. – Время не то. Мы были...

– Да, вы были со мной, на Ферме. Слушайте дальше.

– ...согласно показаниям свидетелей, стреляли оба убийцы. Вероятно, они вооружены и опасны. При попытке задержать их соблюдайте крайнюю осторожность. Управляющий, убитый горем из-за потери старого друга, предложил награду в десять тысяч крон за...

Доктор Шульц протянул руку и выключил терминал.

– Дальше все повторяется. Но, похоже, экстренное сообщение передают по всем каналам. И на данный момент многие обитатели станции наверняка уже видели и слышали его.

– Спасибо, что предупредили. Гвен, ты не придумала ничего лучше, чем стрелять в людей? Нехорошая девочка!

– Прошу прощения, сэр. Попала в дурную компанию.

– Опять оправдания. Ваше преподобие, что нам делать, черт возьми? Этот сукин сын вышвырнет нас в космос еще до наступления ночи.

– Об этом я тоже подумал. Вот, примерьте.

С этими словами он извлек феску из недр своей внушительной фигуры. Я надел ее.

– Сидит отлично.

– А теперь это.

«Этим» оказалась черная бархатная наглазная повязка на резинке. Надев ее, я решил, что ходить с одним закрытым глазом не слишком приятно, но промолчал. Папаша Шульц явно приложил немало усилий и воображения, чтобы мне не пришлось дышать вакуумом.

– Господи! – воскликнула Гвен. – То, что надо!

– Да, – согласился доктор Шульц. – Повязка на глазу привлекает внимание большинства людей – настолько, что разглядеть черты лица можно лишь с помощью осознанного усилия воли. Я всегда держу такую повязку под рукой. Та феска и присутствие здесь адептов Таинственного храма – лишь счастливое совпадение.

– А феска у вас тоже всегда под рукой?

– Не совсем. У нее был другой владелец. Когда он проснется, то, возможно, хватится ее... но вряд ли он проснется скоро. Его... гм... опекает мой друг Микки Финн. Но вам следует избегать любых храмовников из святилища Аль-Мицар. В этом смысле может помочь их акцент – они из Алабамы.

– Доктор, я постараюсь избегать любых храмовников. И наверное, поднимусь на борт в последнюю минуту. Но что насчет Гвен?

Преподобный доктор извлек еще одну феску:

– Примерьте, милая леди.

Гвен примерила феску, которая закрывала ей глаза, словно абажур – лампу, и тут же ее сняла.

– Думаю, не подойдет – не гармонирует с цветом лица. Что скажешь?

– Боюсь, вы правы.

– Доктор, – сказал я, – храмовники вдвое крупнее Гвен по любому измерению, и выступающие части тела у них размещены иначе. Наверняка есть другие варианты. Грим?

Шульц покачал головой:

– Грим всегда выглядит как грим.

– В терминал загрузили очень плохое изображение. Тот, кто посмотрел новости, не узнает ее.

– Спасибо, дорогой. Увы, в «Золотом правиле» довольно многие знают, как я выгляжу. Если всего лишь один из них окажется возле посадочного шлюза, продолжительность моей жизни резко сократится. Гм... приложив немного усилий, я могу выглядеть на свой возраст, без всякого грима. Папа Шульц?

– Сколько вам лет на самом деле, уважаемая?

Бросив на меня быстрый взгляд, она поднялась на цыпочки и прошептала что-то на ухо Шульцу.

– Не верю, – удивленно проговорил он. – И – нет, это не сработает. Нужно кое-что получше.

Миссис Кондо что-то быстро сказала мужу. Тот внезапно насторожился, и они обменялись несколькими фразами на японском, после чего Кондо перешел на английский:

– Прошу прощения, но моя жена только что заметила, что у госпожи Гвен рост и фигура почти такие же, как у нашей дочери Наоми. К тому же любое кимоно легко растягивается.

Улыбка исчезла с лица Гвен.

– Это мысль... Спасибо вам обоим. Но я не похожа на японку – нос, глаза, кожа...

Вновь последовал обмен репликами, быстрый, но многословный – на этот раз в нем участвовали трое. Наконец Гвен сказала:

– Возможно, это продлит мне жизнь. Прошу меня извинить.

Она вышла вместе с мамой-сан. Кондо вернулся в главный зал – уже несколько минут вспыхивали огоньки, означавшие, что посетители требуют обслуживания, но хозяин не обращал на них внимания. Я обратился к доброму доктору:

– Вы уже продлили нам жизнь, найдя для нас убежище у Тигра Кондо. Как по-вашему, мы сможем скрываться достаточно долго, чтобы попасть на челнок?

– Надеюсь. Что я могу еще сказать?

– Пожалуй, ничего.

Папаша Шульц полез в карман.

– Мне посчастливилось раздобыть для вас туристическую карточку джентльмена, который одолжил феску. Я стер с карты его имя. Что поставить вместо него? Естественно, не «Эймс» – но что именно?

– Гм... Гвен забронировала для нас места. Купила билеты.

– На ваши настоящие фамилии?

– Не уверен.

– Надеюсь, что нет. Если она использовала «Эймс» и «Новак», лучше вам оказаться первыми в списке не явившихся на рейс. А мне лучше поспешить в кассу и забронировать места на фамилии «Джонсон» и...

- Док...
- Прошу прощения? Если на этот челнок все билеты проданы, тогда на следующий.
- Вам нельзя этого делать. Стоит *вам* забронировать места для *нас*, и – фьють! Вы за бортом. Возможно, они сообразят лишь завтра, но сообразят обязательно.
- Но...
- Подождем и выясним, что сделала Гвен. Если они не вернутся через пять минут, попрошу мистера Кондо вытащить их оттуда.

Несколько минут спустя вошла молодая женщина.

– Как я понимаю, вы Наоми? – поклонившись, спросил отец Шульц. – Или Юмико? В любом случае рад снова видеть вас.

Девушка хихикнула, шмыгнула носом и сделала поясной поклон. Она походила на куклу – изящное кимоно, маленькие шелковые туфельки, белый макияж на лице, удивительная японская прическа.

- Итибан гейся я, – ответила она. – Мой ангрыйский осень прохой.
- Гвен! – воскликнул я.
- Извиняйте?
- Гвен, это великолепно! Но скажи нам поскорее, на какие фамилии ты забронировала билеты?

– Эймс и Новак. Как указано в паспортах.

– Это финиш. Что будем делать, док?

Гвен перевела взгляд с одного на другого.

– В чем, собственно, проблема?

Я объяснил.

– Итак, мы идем к выходу на посадку, хорошо замаскировавшись, и предъявляем билеты на имя Эймса и Новак. Занавес. Без цветов.

– Ричард, я не все тебе рассказала.

– Гвендолин, ты никогда ничего не рассказываешь до конца. Опять лимбургский сыр?

– Нет, дорогой. Я понимала, что все может обернуться именно так. Ну... ты имеешь полное право сказать, что я выкинула на ветер кучу денег. Но я... в общем, заказав билеты, которые теперь пропадут, я пошла к прокатным конторам и оставила залог за тачку. «Вольво колибри».

– Под каким именем? – спросил Шульц.

– Сколько? – спросил я.

– Под моим настоящим...

– Боже милостивый! – выдохнул Шульц.

– Одну минуту, сэр. Мое настоящее имя – Сэди Липшиц... и его знает только Ричард, а теперь и вы. Пожалуйста, не произносите его вслух: оно мне не нравится. Под именем Сэди Липшиц я зарезервировала «вольво» для моего работодателя, сенатора Ричарда Джонсона, и оставила залог – шесть тысяч крон.

– За «вольво»? – присвистнул я. – Такое впечатление, что ты его купила.

– Да, я его купила, дорогой. У меня не было другого выхода. И плату за прокат, и залог пришлось внести наличными, ведь кредитки у меня не было. Вернее, карточки есть – хватит на целый пасьянс. Но у Сэди Липшиц нет счета в банке. Так что мне пришлось заплатить шесть тысяч, просто чтобы зарезервировать машину – взять напрокат, но с заключением договора купли-продажи. Я пыталась торговаться, но из-за всех этих храмовников служащий был уверен, что стоит на своем.

– Вероятно, он был прав.

– Скорее всего. Если мы возьмем машину, нам придется доплатить до цены по прейскуранту, еще девятнадцать тысяч крон...

– Господи!

– ...плюс страховка и комиссионные. Но мы получим обратно неиспользованные деньги, если вернем ее здесь, в Луна-Сити или Гонконге-Лунном, в течение тридцати дней. Мистер Доквейлер объяснил, для чего нужен договор купли-продажи. Рудокопы, или, скорее, старатели на астероидах, брали машины напрокат, не платя полную стоимость, отводили их в какой-нибудь тайник на Луне и переделывали для горных работ.

– «Вольво»? Единственный способ переправить «вольво» в Пояс астероидов – доставить его туда в грузовом отсеке «кукушки»²⁸. Но девятнадцать... нет, двадцать пять тысяч крон? Плюс страховка и взятка? Откровенный, наглый грабеж.

– Друг мой Эймс, полагаю, хватит вести себя как шотландец из анекдотов, оказавшийся перед платным туалетом, – резко бросил Шульц. – Вы согласны с тем, как миссис Эймс все устроила? Или предпочитаете прогулку на свежем воздухе по приказу Управляющего? Свежем, но весьма разреженном?

Я глубоко вздохнул:

– Прошу прощения. Вы правы, деньгами не надышишься. Просто терпеть не могу, когда меня пытаются надуть. Гвен, извини. Ладно, где тут контора «Герца»? Что-то я не ориентируюсь.

– Не «Герц», дорогой. «Бюджет-джетс». У «Герца» не осталось ни одной свободной машины.

²⁸ «Кукушка» – по словам Роджера Стоуна, героя романа Р. Э. Хайнлайна «Космическое семейство Стоун», это «небольшая спортивная машинка». – *Примеч. С. В. Голд.*

9

Мерфи был оптимистом.
(Комментарий О'Тула к закону Мерфи²⁹; цитируется по А. Блоху)

Чтобы добраться до офиса «Бюджет-джетс», пришлось обогнуть снаружи зал ожидания космопорта, войти в него на оси вращения, а там уже двигаться напрямую к двери прокатной конторы. В зале ожидания царила обычная толчея, которая усугублялась присутствием храмовников и их жен. Большинство пристегнулись к настенным опорам, но некоторые парили в невесомости. И еще прокторы – слишком много прокторов.

Видимо, надо пояснить, что зал ожидания, а также кассы, шлюз, ведущий в пассажирский туннель, и прокатные конторы пребывают в состоянии невесомости, не принимая участия в постоянном вращении, которое создает на станции искусственную силу тяжести. Зал ожидания и смежные помещения представляют собой цилиндр, размещенный внутри другого, гораздо большего цилиндра – самой станции. Они словно ось и колесо, которое на оси вращается.

Поэтому на обшивке станции, в том месте, где соприкасаются оба цилиндра, устанавливают вакуумное уплотнение – вероятно, ртутного типа, но я никогда его не видел. Суть в том, что, несмотря на вращение станции, космопорт внутри нее вращаться *не должен*, поскольку челноку (или лайнеру, или грузовику, или даже «вольво») для стыковки требуется неподвижный причал, пребывающий в невесомости. Причальные гнезда прокатных контор расположены в виде розетки вокруг главного стыковочного узла.

Проплывая через зал ожидания, я избегал людских взглядов, направляясь прямо к цели – двери в переднем углу. За мной неотрывно следовали Гвен и Билл. Повесив сумочку на шею, Гвен одной рукой придерживала клен-бонсай, а другой крепко держалась за мою лодыжку; за ее лодыжку, в свою очередь, держался Билл, буксируя за собой сверток, упакованный в фирменную бумагу «Мэйси» с логотипом компании. Уж не знаю, что было в нее завернуто до того, но теперь она скрывала чемодан Гвен – тот, что поменьше, не для одежды.

Куда мы дели остальной багаж? Следуя первому принципу спасения собственной шкуры, мы от него избавились. Он сразу же выдал бы нас – храмовники, отправляясь на однодневную экскурсию, не таскают с собой кучу поклажи. Чемодан Гвен мы сумели спасти: в обертке от «Мэйси» он мало чем отличался от приобретений, которые явно совершали многие храмовники. Это же касалось и деревца – дурацкая покупка из тех, которые охотно совершают туристы. Но остальной багаж пришлось бросить.

Возможно, когда-нибудь мы получили бы его, если бы нашелся безопасный способ пересылки. Но я заранее списал наше имущество со счетов. Упрекнув меня в недовольном ворчании из-за того, что Гвен слишком потратилась, доктор Шульц помог мне сориентироваться. Я слишком размяк, сидя дома, доктор же вернул меня к реальности, в которой существуют лишь две разновидности людей – быстрые и мертвые.

Пересекая зал ожидания, я вновь остро осознал истинность этого утверждения: позади нас появился главный проктор Франко. Похоже, он не обращал на нас внимания, а я изо всех сил делал вид, что не обращаю внимания на него. Казалось, главный проктор хотел лишь одного: добраться до группы своих подчиненных, охранявших шлюз перед пассажирским туннелем. Он устремился прямо к ним, в то время как я буксировал свое небольшое семейство, двигаясь вдоль леера, который тянулся от входа до нужного мне угла.

²⁹ Закон Мерфи звучит следующим образом: «Все, что может пойти не так, пойдет не так». Комментарий «Мерфи был оптимистом» принадлежит Леонарду Джеймсу Каллагану. – *Примеч. С. В. Голд.*

Когда мы туда добрались и дверь «Бюджет-джетс» закрылась за нами, я вновь обрел способность дышать, а мой желудок наконец-то вернулся на место.

В офисе «Бюджет-джетс» мы обнаружили местного управляющего, мистера Доквейлера, который сидел, пристегнувшись, за столом, курил сигару и читал лунный выпуск «Ежедневного бюллетеня скачек».

– Прошу прощения, друзья, – сказал он, отрываясь от чтения, – но у меня нет ничего напрокат или на продажу. Даже ведьмовской метлы.

Вспомнив, кто я такой – сенатор Ричард Джонсон, представитель невероятно богатого и известного во всей системе синдиката почивающих на лаврах, один из самых могущественных воротил в Гааге, – я позволил сенатору говорить за меня.

– Сынок, я сенатор Джонсон. Насколько мне известно, моя сотрудница забронировала сегодня на мое имя... «кукушку-супер».

– О! Рад познакомиться, сенатор, – он прикрепил зажимом газету к столу и отстегнул ремень. – Да, у меня есть ваша бронь. Но это не «супер», а «вольво».

– Что?! Я же ясно сказал той девушке... Ладно, не важно. Поменяйте, пожалуйста.

– С удовольствием, сэр, но ничего другого нет.

– Жаль. Не будете ли вы так любезны проконсультироваться с вашими конкурентами и найти мне...

– Сенатор, во всем «Золотом правиле» не осталось ни одной машины напрокат. «Моррис-гараж», «Локхид-фольксваген», «Герц», «Интерплэнет» – в течение последнего часа все посылают друг другу запросы. Никаких шансов. Полный ноль. Машин нет.

Пришло время для философского настроения.

– Что ж, придется брать «вольво». Верно, сынок?

Сенатор вновь пришел в легкую ярость, когда от него потребовали оплатить полную стоимость машины – судя по всему, сильно подержанной. Я пожаловался на грязные пепельницы и велел вычистить их пылесосом... но когда терминал за головой Доквейлера перестал твердить про Эймса и Новак, махнул рукой и сказал:

– Проверим массу и доступную дельту-вэ. Я хотел бы стартовать.

Для измерения массы «Бюджет-джетс» использует не центрифугу, а эластичный инерциометр, более новый, быстрый, дешевый и намного более удобный прибор; не знаю, правда, превосходит ли он центрифугу в точности. Доквейлер велел нам забраться в сетку (деревце-бонсай он лишь встряхнул и записал, что его вес равен двум килограммам – похоже на правду), попросил нас крепко обнять пакет от «Мэйси», нажал на кнопку, и эластичное основание затряслось так, что у нас едва не вылетели зубы. Затем он объявил, что наша общая стартовая масса составляет двести тринадцать и шесть десятых килограмма.

Несколько минут спустя мы пристегнулись к сиденьям, и Доквейлер закрыл носовой, а затем внутренний люк причального гнезда. Он не стал спрашивать у нас удостоверений, туристических карточек, паспортов или лицензий пилота космобиля, зато пересчитал те девятнадцать тысяч дважды. Плюс страховка и чаевые.

Я ввел в автопилот «213,6 кг», затем взглянул на приборную панель. Датчик топлива показывал полную заправку, и все идиотские огоньки горели зеленым. Я нажал кнопку «готово» и стал ждать.

– Удачной посадки! – послышался в динамике голос Доквейлера.

– Спасибо.

Пневматика сказала «уффф!», и мы вылетели из гнезда на яркий солнечный свет. Впереди и вокруг нас виднелась внешняя часть космопорта. Я задал разворот на сто восемьдесят градусов, и в моем левом иллюминаторе появилась удаляющаяся станция, а впереди возник

приближающийся челнок. Я не обращал на него внимания, это он должен был сторониться меня, ведь я отчаливал. В правом же иллюминаторе возникло самое эффектное зрелище во всей системе – Луна крупным планом, всего в трехстах километрах. Казалось, что до нее рукой подать.

Все складывалось просто великолепно.

Подлые негодяи-убийцы остались позади, и мы стали навеки недостижимы для непредсказуемого тирана Сетоса. Поначалу жизнь в «Золотом правиле» казалась счастливой, свободной и беззаботной, но теперь я кое-что понял: на шее монарха всегда должна быть затянута петля – это помогает держать голову высоко поднятой.

Я занял кресло пилота, Гвен расположилась на месте второго пилота справа от меня. Взглянув в ее сторону, я вдруг понял, что мой глаз до сих пор прикрыт дурацкой повязкой. Хотя нет, вычеркните «дурацкой», – возможно, она спасла мне жизнь. Я снял повязку и сунул в карман, затем стащил с головы феску и, оглядевшись в поисках подходящего места, запихнул ее под ремень на груди.

– Посмотрим, все ли в порядке, – сказал я.

– Не слишком ли поздно, Ричард?

– Я всегда устраиваю проверку после старта, – ответил я. – Вот такой я оптимист. Как там сумочка и пакет от «Мэйси» – хорошо закреплены?

– Пока нет. Если не будешь дергать машину туда-сюда, я сейчас отстегнусь и привяжу их как следует. – Она начала возиться с застежкой.

– Эй! Прежде чем отстегнуться, нужно получить разрешение пилота.

– Я думала, оно у меня есть.

– Теперь есть. Но не повторяй снова той же ошибки. Мистер Кристиан³⁰, на корабле его величества «Баунти» царит и будет царить дисциплина. Билл! Как ты там?

– Все норм.

– Пристегнулся как следует? Ничего не болтается? Не хочется, чтобы при крутом повороте по кабине стала летать всякая мелочь.

– Он надежно пристегнут, – заверила меня Гвен. – Я проверяла. Он крепко прижимает к животу Дерево-сан. Я пообещала, что если он хоть на мгновение отпустит горшок, мы похороним его без лишних церемоний.

– Не уверен, что деревце выдержит перегрузку.

– Я тоже, но его все равно было не упаковать. По крайней мере, оно будет находиться в нужном положении, а я заодно прочту пару заклинаний. Дорогой, что мне делать с париком? Наоми пользуется им для выступлений, и он немало стоит. Она уговорила меня надеть его – полагаю, в качестве последнего убедительного штриха. Это очень мило с ее стороны, но я не знаю, как его уберечь. Он чувствителен к перегрузкам не меньше, чем Дерево-сан.

– Не имею ни малейшего понятия: вот мое официальное мнение. Но сомневаюсь, что придется разгонять эту колымагу больше чем до двух g. – Я задумался. – Как насчет бардачка? Вытащи из дозатора все салфетки и напихай вокруг парика. И внутри тоже. Пойдет?

– Думаю, да. Времени хватает?

– Полно. Я прикинул в офисе мистера Доквейлера: чтобы сесть в порту Гонконга-Лунного, надо начать переход на более низкую орбиту примерно в двадцать один час. У нас куча времени. Так что действуй, пока я сообщу автопилоту о том, что собираюсь делать. Гвен, видишь со своего места показания всех приборов?

³⁰ Флетчер Кристиан (1764–1793) – помощник капитана корабля «Баунти», возглавивший мятеж на судне (1789).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.